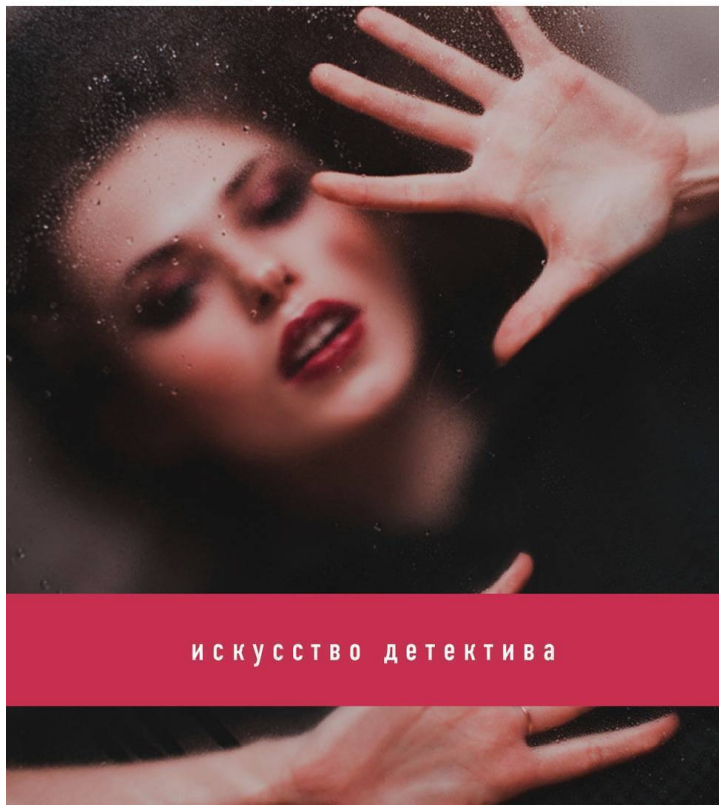

ТАТЬЯНА

ГАРМАШ-РОФФЕ

искусство детектива

ангел-телохранитель

Татьяна Владимировна Гармаш-Роффе
Ангел-телохранитель
Серия «Частный детектив
Алексей Кисанов», книга 8

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156892
Ангел-телохранитель: Эксмо; 2007
ISBN 978-5-699-19422-3*

Аннотация

Люля еще не успела оправиться после смерти мужа, как новые беды свалились на ее голову. Кто-то настойчиво и методично пытается расправиться с молодой вдовой. Попытки следуют одна за другой, и у нее больше нет сил сопротивляться. Не будь рядом охранника Артема, она бы давно сдалась... Связаны ли покушения на Люлю со смертью мужа? Или с его бизнесом? Ответы на эти вопросы способен дать только один человек. Но, выйдя из комы, он потерял память, а после пластической операции – еще и внешность. И стал удивительно похож на... погибшего мужа Люли. А может, это он и есть? И теперь, прикинувшись беспмятным, Влад стоит во главе широкомасштабной операции по устранению всех возможных свидетелей? В которой главной жертвой почему-то назначено

быть Люле. Никому, кроме частного сыщика Алексея Кисанова по кличке Кис, не под силу разгадать эту головоломку...

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

100

Татьяна Гармаш-Роффе

Ангел-телохранитель

Я смотрю на огонь и думаю о тебе, Люля. Огромный камин старинного аббатства, где ныне разместился ресторан-люкс, распространяет волшебный запах дров, вокруг суетятся официанты, наша славная компания шумит за большим столом; а я, забыв о собеседниках, смотрю на огонь и думаю о тебе, Люля.

Ты тоже смотришь на огонь и вдыхаешь запах дров. Ты мерзнешь, ты затопила печь и пытаешься согреться у ее раскрытой дверцы. Ты вскрыла банку тушенки и ешь прямо из нее. Без хлеба – тебе было не до него – сюда, на холодную зимнюю дачу, тебя пригнал страх. Ты отчаянно трусишь, и тебе неоткуда ждать помощи, потому что теперь ты только сама у себя, Люля...

Ты просишь бога тебе помочь, но и он тебе не поможет: его у тебя нет. У тебя есть только я, твой автор. Но автор не всемогущ, он не может одной фразой изменить судьбу персонажа. Нет, Люля, увя... Потому что однажды ты пришла в то же кафе, что и Принц. И все остальное столь же неизбежно, как «Аннушка пролила масло»...

«...Если ты существуешь, бог, то ты несправедлив. Ты множишь несчастья одних, методично прибавляя к старым новые, — и ты множишь утехи других, щедро одаривая благами, уже им ненужными...»

Люля оставила печку открытой и, съезжившись, смотрела на огонь. Сбегая поспешно из дома, она не взяла с собой почти никаких вещей. На даче, конечно, было кое-что, и она нацепила на себя два свитера. Тот, что поверх, был ее старый-престарый, просторный свитер, она его не выбросила, она его любила и потому сохранила для работ в саду.

«...А если ты существуешь и справедлив, если это не ты множишь мои несчастья, то помоги мне... Помоги же!»

Пространство ничем не отозвалось. Ее мольба жалко отразилась от деревянных стен и погасла. «Глас вопиющего в пустыне, — горько усмехнулась Люля, почувствовав безответность космоса. — Бога нет».

Хотелось есть. На даче были консервы, и она вскрыла банку тушенки, которую принялась есть, не разогревая. Без хлеба, конечно, — хлеб она, гонимая страхом, даже не подумала купить.

Огонь в печке выстреливал искрами, и поленья — их еще Принц наколот, — прогорая, шумно обрушивались вниз, в звонко-рыжие угли. Терпкий дым пощипывал глаза.

Она не могла поверить, что ее хотели убить. Это было слишком диким. Невероятным. Мозг тупо бастовал вопреки очевидности.

И все же... Две попытки наезда. Тогда, в первый раз, ей и в голову не пришло, что кто-то намеревался ее переехать. Решила, что какой-то козел спьяну... «Козел» дал деру, с трудом вывернув машину, почти заскочившую на тротуар.

Но когда ее едва не сбила машина во второй раз, она спросила себя: а случайность ли это?

«Да нет, – урезонила она себя, – конечно, случайность!» Это множатся ее несчастья, которых и без того хватает со смертью Принца. Говорят ведь: беда не приходит одна...

* * *

Принц... Они познакомились банально: в кафе. Ей пришла в голову идея; она достала из сумки блокнот с карандашом и, отодвинув чашку с чаем, принялась делать набросок платья: все мечтала, что ее талант оценят и возьмут в какой-нибудь приличный клан модельеров.

Он обходил ее стул сзади со стаканом сока в руке и с любопытством заглянул в блокнот.

– Ух ты, здорово! – сказал он. – Особенно вот эти косые параллельные линии, – он указал стаканом поверх ее головы, и капля сока упала ей на щеку, – шляпка, лиф, а потом вот эта вздернутая линия юбки... Вы, наверное, думаете продеть

в подол проволоку, чтобы удержать эту линию, словно вздутую ветром... Я прав?

Она обалдела. Постойте, это как же получается? Сидит она совершенно случайно в неизвестном кафе и делает наброски... а к ней совершенно случайно подходит какой-то модельер... совершенно случайно оказавшийся в этом кафе... и начинает хвалить ее эскизы? Модельер – один из тех, до которых она так и не сумела достучаться за три года в Москве?! Помилуйте, но так не бывает! Нет, не бывает!!!

– Назовите вашу модель знаете как? «Унесенная ветром»!

Он снова махнул над ее головой стаканом, и новая капля упала ей на щеку.

Она решила разбить наваждение прямой наводкой:

– Вы – модельер?

– Нет.

Все правильно. Она же только что сказала себе: так не бывает.

– Но вы в этом что-нибудь понимаете? – с иронией, под которой все еще таилась надежда, она отправила вопрос куда-то поверх своей головы.

– Не-а. Ничегошеньки, – раздалось сверху. – Просто у меня предпоследняя любовница была манекенщицей – вот некоторые словечки в ушах и застряли... Но ваши эскизы мне нравятся. Честно.

Наконец они посмотрели друг на друга. Она – задрав голову, вверх и назад, он – опустив свою к ней. Что-то в сопри-

косновении их взглядов произошло, во всяком случае, мышцы шеи вдруг болезненно сжались в кратковременном параличе... Может, она просто слишком сильно закинула голову назад?

Он, словно догадавшись, вышел из-за ее спины и встал сбоку.

Они снова посмотрели друг на друга. Она, тощая дылда, у которой все свитера дырявились от слишком острых локтей, с небрежно забранными в «конский хвост» темными волосами и с глазами холодной синевы, за которой было очень легко прятать боль и тоску. И он – большой, плотный, кареглазый, лет на восемь-десять старше. Одет он был чрезвычайно просто: джинсы и небрежно выбивающаяся из них светло-голубая рубашка в темную полосу, под которой был заметен небольшой животик; рукава завернуты. Несмотря на кажущуюся простоту и небрежность, одежда его была качественной, неброско-дорогой – это она сразу заметила; а сам он был вопиюще уверенным в себе. Такими уверенными бывают либо полные дураки, либо добившиеся всего в этой жизни люди, окончательно расставшиеся со всеми мыслимыми комплексами... На дурака он никак не был похож, скорее он мог бы сойти за второй вариант...

Если бы не эта небрежная и даже нарочито небрежная манера одеваться...

И если бы не чертики, игравшие в пятнашки в его глазах! Эти чертики заинтриговали ее. Она даже улыбнулась

украдкой.

– Вы огорчились, да? А я, пожалуй, рад, – заявил он, – потому что иначе бы вы немедленно использовали мою постель как корабль... или скорее как плот... В общем, как средство въезда в мир моды. Вы ведь туда хотите попасть, верно?

Ну надо же! Какая наглость! Люда так опешила, что только хлопнула ртом, не найдя что ответить.

Чертики в его глазах притихли, насмешливо и внимательно наблюдая за сменой выражений ее лица.

– Я вас обидел? – Он улыбался.

– Вы... Вы просто хам! ...Самоуверенный хам, – подумав, добавила она, сердито убирая блокнот в сумку.

Он довольно кивнул – согласился. Чертики тоже закивали, дразнясь и строя рожи.

– Ваш номер телефона?

Она растерялась. Какой-то он странный, этот тип.

– Или вы для вступления предпочитаете порцию пошлостей?

– Вы мне их уже наговорили, – сухо ответила она.

– Да что вы, разве? Вы ошибаетесь. Это жизнь пошла и люди пошлы, а я только констатировал факт. Разве женщины не спят с мужчинами ради карьеры? Впрочем, наоборот тоже.

Она не знала, что ответить. Схема, конечно, жизненная... Но зачем он ей все это говорит? Она совершенно не собирается с ним... Ни за карьеру, ни без!

Он отодвинул стул и сел за ее столик. Поставил свой стакан – грейпфрутовый сок, кажется, – немного наклонился к ней и негромко проговорил без всякого выражения:

– Я уже давно смотрю на вашу спину, и она мне нравится. Я недавно смотрю на ваше лицо, и оно меня не разочаровало. Я вас не соблазняю, не принуждаю и не обольщаю. Мне просто хотелось бы еще раз на вас посмотреть... Я бы пригласил вас поужинать со мной сегодня, но я занят. Поэтому давайте так: мы сейчас меняемся телефонами, потом договариваемся о встрече и знакомимся.

– Зачем? – Она взяла себя в руки. – И кто вы такой?!

– О, видите, вы уже начинаете знакомиться! Что же, рад представиться: Принц. Пребывающий в поисках Золушки.

Он произнес это с самым серьезным видом, но чертики куролесили в его глазах.

– Да вокруг Золушек пруд пруди, – огрызнулась она, не понимая, как относиться к услышанному. – Чего их искать? Они сами на шею готовы вешаться... Если вы, конечно, и в самом деле *Принц*. По крайней мере, размерами вашего кошелька. – И она несколько саркастически окинула взглядом его одежду.

– Я-то? Поверьте, я Принц вполне состоятельный... А те, о которых вы говорите, – они не Золушки. Они мачехины дочери – охотницы за Принцами. Мне охотницы не нужны – мне нужна Золушка. Скромная и бедная.

– Зачем?!

– Страшно хочется ее осчастливить... – Он посмотрел на часы. – Понимаете, очень трудно осчастливить такую, у которой уже все есть. Не бедную и не скромную. И не работающую.

– А, поняла, вы ищете домохозяйку! Или домработницу?

Он посмотрел на нее с усмешкой. Похоже, его забавляли ее маленькие атаки. Но чертики вдруг сделались серьезными.

– Работающая – это та, которая полагается на себя. Такой хочется помочь. А не работающая ищет, на кого бы положиться... Хм, на тему «на кого положиться» у меня сразу три шутки образовались в голове, но вы ведь опять скажете, что это пошлости? Не, не стану рисковать... Так вот, не работающей помочь невозможно, потому что она ничего не делает. А это скучно. Ну, так что? Меняемся телефонами?

– У меня телефона нет... – буркнула она.

– Живете на снятой квартире где-нибудь в Бибиреве, – он окинул ее внимательным взглядом, – в обшарпанной старой квартире... или даже комнате, которую вам сдала какая-нибудь старушка... Денег нет, телефона нет, мужчины нет, работы нет... И, скорее всего, московской прописки нет. В общем, первый экзамен на Золушку вы прошли!

Чертики догоняли друг друга.

Если бы не они, она бы давно отшила этого нахала!

Но чертики догоняли друг друга...

– В Химках, – пробормотала она.

– Спасибо за уточнение. Это что-нибудь меняет в картине Золушкиной жизни?

– Нет... – Она чувствовала себя совершенно подавленной. Как он ее обрисовал, этот наглец в небрежной одежде! Неужто от нее веет такой безысходностью и нищетой, что...

– Просто вы спрашивали телефон, – вдруг вскинула она гордо голову. – У меня его нет. Так что запишите адрес.

– Bravo! – рассмеялся странный мужик, представившийся Принцем. – Говорите, я запомню.

Она вдруг догадалась: это у него такой отработанный прием знакомиться! Он наверняка давно придумал этот ход и не раз его испытывал на практике – действует безотказно. Вот теперь и она купилась, как дурочка! Может, он вообще маньяк какой-нибудь?

– Задумались, – констатировал Принц. – Испугались? Грабить вас неинтересно: у вас ничего нет, даже московской прописки... А вдруг я маньяк? – перебирал он с рассудительным видом варианты, объясняющие ступор, в который она ненадолго впала. – С этим труднее. А вдруг я и впрямь маньяк? – проговорил он озабоченно.

Чертики рухнули от смеха, хватаясь за животики.

– Знаете что, – вдруг обрадовался он. – Вы ведь сказки читали? Тогда вот вам доказательство: Принцы никогда не бывают насильниками! Да еще и помешанными! Они всегда добрые и благородные.

– А вы – Принц, – ехидно проговорила она.

– Ну да.

– В поисках Золушки, – уточнила она тем же тоном.

– Я же вам уже сказал!

– Тогда вам остается спросить размер моей ноги, – ответила она.

И чертики задрогали ножками от радости.

– Я и так знаю: тридцать восьмой, верно? Мой самый любимый размер!

– А если бы он оказался тридцать шестым?

– О, это бы меняло дело! У меня ведь башмак уже приготовлен. Точнее, два. Очень хорошеньких итальянских башмака...

Чертики уже плакали от смеха, но лицо его оставалось серьезным.

– От позапрошлой любовницы остались?

– От манекенщицы? Что вы, у нее сорок первый! Нет, от прошлой... Но она их не носила, уверяю вас! Мы успели расстаться раньше... Совсем новые башмачки, чесс... слово!

Весь этот бред сумасшедшего ее не убедил нисколько. Но она поверила – *чертикам*.

– Валяйте, запоминайте.

И она назвала адрес.

Он приехал только в выходные, через пять дней, за которые она полностью успела забыть о той волне, утянувшей на мгновенье их взгляды в запредельные измерения. Он прие-

хал и сказал:

– Ну, давайте знакомиться.

Только сейчас она сообразила, что даже не спросила, как его зовут.

– Владик. Паспорт нужен? Я не женат.

– Да я, собственно... – пробормотала она.

– Вы не интересовались, я понял. А вас как зовут?

– Люда. Людмила.

– Это нехорошо, – покачал он головой, – у женщины должно быть нежное имя, вкусное и гладкое, как монпансье... Люда – слышите, как твердо звучит это «д»? Как удар об стенку¹... Люда, Люся, Мила... – забормотал он.

Она подняла глаза и посмотрела прямо в его зрачки. Чертики махали хвостиками и строили рожицы.

– Люля! Я вас буду звать «Люля»!.. Вы не против? – спохватился он.

Она пожала плечами. Ей, по правде говоря, было все равно. Вернее, на самом деле ей даже стало приятно, что кто-то вдруг озаботился ее именем.

– У вас чертики в глазах, вы знаете? – неожиданно для себя произнесла она.

– Не бойтесь, Люля, они совсем ручные!..

Она давно так не ела: так вкусно и так много. Старалась

¹ Автор просит всех Людмил не обижаться и принять к сведению, что это личное мнение персонажа романа по имени Владик!

есть не жадно, но ей все время казалось, что чертики с издевочкой подглядывают из-за его ресниц. Владик, к счастью, ничего не сказал, только заказал ей еще еды.

Потом расспрашивал. Она рассказывала. И про мать, спившуюся давно, и про несуществующего отца, и как шила, зарабатывая деньги на хлеб, и как у нее получалось оригинально, и как одна клиентка принялась вдалбливать ей в голову, что у нее настоящий талант, что надо ехать в Москву...

– Она говорила: такой талант с руками оторвут!

Но в Москве никто ничего не отрывал. Она пошла сначала к Бурову, звезде модных подиумов. До него не допустили, какая-то фифа попросила оставить рисунки. Их вернули через неделю со словами, что не подходят... А на следующем показе моделей три платья были по ее эскизам! Пресса всячески расхваливала Бурова, отмечая «свежесть новых идей», усмотренную в тех самых платьях...

Люля пошла снова к фифе. Предъявила эскизы.

– Вы их у меня украли, – сказала она. – Это подло.

– Вы что, девушка? – Фифа смотрела на нее с нескрываемо наигранным изумлением. – Да я вас в первый раз вижу! Вы срисовали платья из коллекции Бурова – по телевизору небось видели? А теперь пытаетесь шантажировать уважаемого модельера?! Убирайтесь вон, пока я милицию не вызвала! И больше никогда здесь не появляйтесь, от души вам советую! – с презрением закончила она.

Пережив этот шок, Люля взяла себя в руки и отправилась

дальше пробиваться: ведь для этого она и приехала в Москву! В приемной следующего модельера («кутюрье», извините) Люля была осторожнее: эскизы оставлять не захотела. Ей отказали сразу.

В третьем она решилась оставить, но попросила расписку. Очередная фифа сходила куда-то и сообщила, что никаких расписок не будет. Либо она оставляет, либо убирается во-свояси. Люля выбрала последнее.

Больше она никуда не ходила. Повезло – через соседку стала получать немножко заказов на пошив-перешив... Чем и зарабатывает.

– Зачем я вам? – спросила Люля.

Она себя не считала красавицей, да и не была ею. Ее довольно высокий рост и излишняя худоба всю жизнь вызывали у нее комплекс неполноценности. Она всегда сутулилась, съеживалась, обхватывая себя руками, словно озябла... И лицо так себе, среднее, ни два ни полтора. Одним словом, товара под названием «женская привлекательность» у нее не имелось. И продавать этому странному Владику ей было нечего. Разве только костюм на заказ.

– Вы даже не поверите, как все просто, – усмехнулся он. – Я ищу женщину, в которую мог бы влюбиться. Ужасно хочется влюбиться, по-настоящему так, до одури. Я слишком долго искал себя, пора найти кого-нибудь себе.

– Вы что, хотите сказать, что вы в меня можете влю... – Она так опешила, что даже не отважилась повторить слово.

– А вот мы и посмотрим. Я же сказал: давайте знакомиться. Познакомимся, а там... как получится. Может, выйдет у нас такая печальная история, что я влюблюсь, а вы нет!

Чертики немедленно зарыдали в голос, театрально припадая друг к другу на плечи.

– Да чем же я вас заинтересовала? Ничего такого во мне...

– Есть, есть, – заверил Владик. – Вы просто кокетничаете, на комплименты напрашиваетесь. Я большой знаток женской природы, к вашему сведению, – нахально заявил он, откидываясь на спинку кресла, и чертики одобрительно зашвистели, засовывая кружочки пальцев в рот.

– Да нет же! Вот если бы я была топ-модель или какая-нибудь там...

– Да я ж влюбиться хочу, а не обмануть свое несовершенное мужское тело совершенным женским! Кстати, вас не смущает мой лишний вес?

Люля наконец улыбнулась.

– Если наш вес сложить, а потом разделить на два, то как раз идеальный и выйдет...

Они «знакомились» еще месяц, влюбляясь стремительно и смертельно. Все Золушки мира могут отдыхать – такого Принца, как Владька, они даже в мечтах не видели. Он и впрямь оказался далеко не беден – принц не Принц, но вполне состоятельный, как он выразился...

Господи, какая ерунда, главное, что у него оказалось

очень-очень много любви. Для нее.

И потому она стала красавицей. И потому все признали ее талант. И потому она начала работать на один из лучших домов моделей. И потому она стала намного уверенней в себе и научилась носить красивые платья, и не стесняться своей худобы, и не сутулиться, и...

Она любила его, боже, как она его любила! Она бросалась на него, когда они возвращались домой, она стаскивала с него рубашку, целуя показавшийся в разрезе «лишний» живот, и он, смеясь, отбивался, и чертики веселились и ликовали, шкодливо подсматривая за ними... То, что у них было, не называлось сексом, то, что у них было, называлось любовью, и все возможные на свете ласки служили всего лишь языком, на котором она изъяснялась.

Все было так, именно так – сказочно красиво, до одури счастливо, пока он не погиб. Разбился с другом на машине.

Друг выжил. А ее Владька, сокровище, ее счастье, ее Принц, – погиб...

Она чуть руки на себя не наложила. Всего два, крошечных два года счастья из всей ее несчастливой тридцатилетней жизни. И все, и больше нету. И уже никогда не будет. Потому что второго такого, как Владька, не существует во всем мире.

Она почти забросила работу. Она снова стала дурнушкой. Она снова стала зябнуть и обхватывать себя руками, наклоняясь немного вперед, будто у нее болел живот.

Она, лишенная его любви, перестала любить себя.

* * *

...От солнца никуда не деться. Он закрыл глаза, но оно сверкающим острым лезвием вскрывает веки, как створки устриц, и больно надрезает роговицу. Кажется, выступили слезы.

«Он плачет!»

Вот ведь странные люди – казалось бы, ну пришли уже на пляж, так купайтесь, загорайте, играйте в волейбол, наконец! Но нет же, кому-то есть дело до него, кто-то на него смотрит: «Он плачет...»

Зачем он лежит на пляже под раскаленным солнцем? Он не любит пляжи, ненавидит валяться без дела, надо открыть глаза, встать и уйти отсюда!

Но во всем теле такая слабость, нега, оцепенение... Леня пошевелиться. Он, кажется, заснул ненадолго. А на пляж, вдруг вспомнилось, он потащился из-за жены. И лежит теперь, как мешок...

На какой пляж? Он что-то никак не сообразит, где он. На пляже, это понятно, но на каком? Где? В Пицунде? На французском Лазурном берегу? В итальянском Милано-Маритимо?

Это потому, что он спит. Не проснулся еще. Если проснуться и аккуратно, под козырьком руки, осмотреться...

А, вон и жена. Стоит, руки раскинула под солнцем, чего-то ей не лежит. Ну ясно, это она свое тело показывает народу. Чтоб никто мимо не прошел. Показывать есть что: длинное, стройное, золотистого загара... У них с дочкой красивый заггар, ровный, с золотым отливом, без плебейской черноты. И три микроскопических треугольника ярко-бирюзовой ткани спереди да две ниточки сзади: одна поперек спины, вторая в попе. Купальники нынче такие в моде странные – ниточка в попе и маленькая нашлепочка на эпилированном лобке, да две тряпочки едва соски прикрывают. На дочке такой же срам, только черный с золотом. Вон и она, рядом, на животе валяется, ногами болтает в воздухе. Ее круглая золотистая попа приковывает к себе взгляды всех особей мужского пола от одиннадцати до восьмидесяти лет. Книжку читает какую-то, любовный роман, поди. И глазом аккуратно косит по сторонам: собирает мужские вздохи. Ох-хо-хо, семейка...

Когда-то он мечтал именно о такой женщине, как его жена. Красивой, породистой, знающей себе цену. Вспомнилось, как пацаном, черным от анапского солнца аборигеном, он бегал на пляжи, где под присмотром вожатых выпасались беленькие москвичи – у них там было несколько пионерских лагерей на отшибе города, со своими пляжами. Какие там были девочки, московские девочки! Вроде и ничего особенного, в Анапе вроде такие же, разве что москвички незагорелые, – а все же разница! Как они сидеть умели прямо; как ходить умели, покачивая бедрами; как голову держали нав-

скид; как смотрели на него с любезным презрением... Лагерь Большого театра и театрального общества какого-то – там балеток было много, из училища балетного. Ножки так ставили – вразлет, бровки так вскидывали – насмерть... А пацаны? Ему ровесники, шелупонь, – а уже ручку крендельком сворачивали, барышням подавали, а сами зенками шасть-шасть по купальникам, по вчера наклюнувшимся округлостям... А вожатые? Ему-то с шелковицы хорошо было видно: сидели кучкой и неприкрыто обсуждали девчонок, даже пальцем иногда показывали...

...А он им однажды корову на пляж пригнал. Вот уж позабавился, сидя на шелковице! Москвичата-то в жизни коровы не видели! Визгу было да писку! Корова-то всего ничего: телка двухлетняя. Она сама их испугалась до смерти! Но эти, эти, московские мерзавчики, которые ручку крендельком, ох как прытко бегали! Двое даже на крышу навеса залезли, барышень своих побросали! А барышни, вереща, сиганули в море и торчали там, по пояс в воде, пока он корову не увел. Одна даже ему «спасибо» вдогонку крикнула, благодетелю...

Вот такую он себе жену и нашел. Как те девчонки. Чтоб ходить умела, и смотреть умела, и сидеть умела...

Умеет. Да толку-то? Смотрит все не на него, все по сторонам смотрит Ленка. Да и то, чего на него смотреть? Его лица за животом и не видно. Когда он лежа – так посредине гора. А за горой – ступни с одной стороны, да уши с другой.

Смотреть не на что. И незачем. Лишь бы деньги давал. А он дает. Леночка ему давно по фигу, а он ей – еще давнее. И дочке тоже. Она вся в маменьку: и сидит, и стоит, и ходит, и смотрит... Как те москвички гордые... Да нынче они и сами москвичи, чего там! И получше коренных устроены. Квартирка на Патриарших, дом в три этажа на Рублевке...

* * *

Первый несостоявшийся наезд в некотором смысле пробудил ее от горя. «Я все еще хочу жить», – грустно усмехнулась Люля, вспомнив, как ловко увернулась она от машины.

Вторая попытка наезда ее испугала. «Я все еще хочу жить... Как ни странно», – подумала она, но уже без усмешки. Второй наезд – это совсем не смешно. Это похоже на намерение ее убить.

Но Люля еще колебалась, еще не могла поверить, что это не случайность. Она уговаривала себя, что просто совпадение, потому что беда не приходит одна. Потому что со смертью Владьки все рухнуло... Он был не просто ее счастьем – он был ее талисманом, охранявшим ее от зла.

И теперь все разрушительные силы мира вырвались на свободу и набросились на нее, оказавшуюся без защиты, без магического талисмана по имени Владька. Принца с чертиками в глазах, игравшими в пятнашки...

Вся мистика вылетела из ее головы, когда поздним вечером она услышала за собой топот и увидела компактное стадо подростков, сосредоточенно мчавшихся к ней. Длинные ноги хоть чему-то послужили – почти скачками Люля добежала до подъезда и захлопнула за собой дверь с кодовым замком. Консьержки в этот час не было, да и разве спасет она Люлю, если парни знают код?

Люля, не дождавшись лифта, рванула наверх через две ступеньки на третью: дверь-замок-ключ – и она внутри квартиры!

Она подержала в руках телефон, готовая вызвать милицию при малейшем подозрительном шорохе за дверью, но все было тихо, и из окна никого не было видно.

С трудом отдышавшись, она рухнула на кровать и долго плакала. «Владька, Владька, зачем ты меня бросил одну?! У меня ведь никого нет, никогда и не было, кроме тебя...»

Наплакавшись, она задернула поплотнее занавески и зажгла свет. И думала, заваривая чай, о том, что подростки могли помчаться за ней и просто так, но после двух попыток наезда уже не верилось... Одетая она была скромно, после смерти мужа совсем не хотелось носить дорогие платья, и они висели в шкафу, как мемориальная экспозиция его подарков. Так что мысль об ограблении Люля отбросила напроць. Изнасиловать? Всякое может быть. Обкурились и пошли «развлекаться»...

Но мысль о связи между наездами и табуном подрост-

ков не выходила из головы. Они мчались молча и сосредоточенно. Если бы они были просто случайными подростками, пусть даже обкурившимися, они бы вступили в какой-нибудь гнусный разговор, типа: девушка, куда вы так торопитесь? А они, едва ее завидев, помчались за ней *молча и целенаправленно* ...

Кто-то их на нее натравил... Кто-то хочет ее убить?!

На вопросы «кто?» и «почему?» у нее не было даже тени ответа.

Она пошла в милицию.

– А номер машины заметили?

Она не заметила. Не до того ей было, жизнь спасала... Ненужную жизнь, но инстинкт оказался сильнее.

– А с чего вы взяли, что подростки – не случайные мальцы, которые помчались вслед, завидев одинокую женскую фигуру ночью?

С чего она взяла... С того! Впереди нее прошла через двор женщина, вполне одинокая и, судя по одежде, молодая, но ее никто не преследовал... Они появились из-за гаражей, как только Люля (и именно она!) вошла во двор (и именно тогда!).

– Маловато будет, – говорил следователь. – Из местных были, из дворовых? Или чужие? Лица запомнили?

Какие, к черту, лица? Она от страха даже обернуться не посмела!

– И что же вы от меня хотите? – удивился милиционер.

– Не знаю, защитите меня как-нибудь!..

– Нету у нас таких средств, чтобы приставить к вам охрану! Покушения на вас никак не доказаны – номера машины не помните, в моделях не разбираетесь, подростков описать не можете... И чего мне расследовать?

– Что же делать? – недоумевала Люля. – Меня ведь пытаются убить!

– А доказательства, где они? – разводил руками милиционер в приемной ближайшего отделения.

– А если меня убьют?!

– Вот тогда доказательства и будут, оставьте пока заявление. В случае вашей смерти будем разбираться, – произнес он, с ненавистью глядя на ее кольцо с крупным изумрудом, Владькин подарок.

Она пошла к выходу, сутулясь и обхватывая себя руками, словно у нее болел живот.

– Людмила Афанасьевна! – окликнул ее вдруг милиционер и поманил пальцем. – Обратитесь в частное бюро охраны, мой вам совет. – Его голос звучал уже мягче, надо думать, сутулая ее спина чуть разжалобила. – Мы тут связаны процедурой, правилами, а они только деньгами. Если можете заплатить, – его взгляд снова нашел кольцо с изумрудом, – то никто вам на мозги капать не будет, что да почему. Хозяин барин. Хотите, чтобы вас охраняли, – будут охранять.

Деньги были. Люля долго и придирчиво выбирала охранника, задавая себе вопрос, каким таким образом он может ее охранить от озверевшей машины, к примеру...

Предлагали ей и женщин – их было двое в агентстве. Их лица вполне освоились со стандартом «непроницаемости», но взгляд остался типично женским, любопытным. Вместе это плохо сочеталось, казалось, глаза подсматривают за ней из засады каменных лиц. Эти глаза все хотели знать о ней, они лезли в ее душу и в ее историю.

Она остановилась на мужчинах: если взгляды тех куда и лезли, то только под юбку. Это было куда менее чувствительно, чем в душу.

Она выбрала одного, плечистого и большого.

Плечистого и большого убили через два дня бесшумным снайперским выстрелом. Именно в тот момент, когда он обходил Люлю, решив занять положение справа от нее.

Милиция не сумела установить, откуда он был произведен, – сказали только, что стреляли с небольшого расстояния. К примеру, из припаркованной к обочине машины.

– Непрофессионал, – подытожили в милиции. – Был бы грамотный киллер, вы бы от него не ушли!

Они умеют утешить, эти люди в погонах!

Люле стало ясно одно: маскировка под несчастный случай больше не прельщала раздосадованного убийцу. Он перестал прятаться, он заявил недвусмысленно, что хочет ее

убить. А в том, что метили в нее, она не сомневалась.

И тогда она сбежала на дачу. Думая о том, что ее найдут и тут.

У Владьки было две дачи – Люля за два года так и не приучилась говорить «у нас», – новая каменная и старая деревянная. Она больше любила старую развалюху, пахнущую деревом, с настоящей печкой, а не с центральным отоплением. Та, другая, – она не была дачей, она была *загородным домом*. А Люля любила *дачу* ... Владька обещал привести ее в порядок, он вдруг вместе с ней тоже полюбил приезжать сюда. Они возились на участке, сгребая ветки и листья, а потом жгли терпкий костер и пили чай. Или вино. Или пиво.

Наверное, потому она и рванулась сюда, на *дачу*, не успев подумать как следует. *Загородный дом* – он был на охраняемой территории, да и в самом доме запоры были нехилые, сигнализация... Ах, как глупо она поступила! Конечно, надо было ехать туда! Здесь-то замков всего ничего – одна радость, внутренний засов, который нельзя открыть снаружи. А на участок даже младенец проберется.

Пока, за последние три дня, – свят-свят! – ничего не случилось. Но завтра же надо будет переселиться в дом. Там она будет в безопасности!

Однако мысль о том, что понадобится выйти из старой, ветхой дачи, пугала ее. Эти стены хоть как-то ее защищали. А в открытом пространстве она станет легкой мишенью. Машину Люля не водила, значит, добираться до станции, ехать

электричкой... А там ее труп обнаружат на железнодорожном полотне?

Неожиданно она придумала: надо связаться с охранным агентством и попросить прислать к ней охранника с машиной. Он и перевезет ее в дом!

Рано утром, с началом рабочего дня, она обо всем договорила. Обещали назавтра: раньше агентство не могло выполнить ее заказ. Услуга стоила очень дорого, но деньги были. Это единственная малость, что осталась ей от Принца: его деньги...

И еще имя *Люля*.

* * *

«Что делать, когда тебя убили?»

Нет, не так. Сила – дурень из Сибири со смачным именем Силантий – вот как хохмил: *«Что делать, если тебя насилуют?» – «Расслабиться и получить максимум удовольствия». – «А что делать, когда тебя убивают?» – «Расслабиться и умереть».*

Как давно это было – мехмат, сокурсники, университет, экзамены... В другой жизни и в другой стране. И в веке другом, между прочим. И Сила, дурень сибирский, полный тупица, хоть учился вполне прилично, приехал из своей тайги наверстывать упущенное, к культуре и цивилизации столичной приобщаться. В основном в виде дешевых анекдотов и

еще более дешевых пьянок в общежитии с грошовым портвешком и грошовыми девочками...

Кой черт он вспомнил Силу? Он его сто лет не видел и, бог даст, еще столько же не увидит! А-а, вот почему: что делать, *когда тебя убили?*

Черт, он опять заснул. И бред какой-то приснился: Сила, дурень сибирский... Надо проснуться. Кажется, сейчас ночь... Никак не сообразить... Он дома, спит в своей кровати и даже слышит тихое дыхание жены – отдаленное дыхание: у них кровать на шесть персон, так она последние годы спит на месте шестой, если его считать первым...

Что у нас сегодня – выходной? Рабочий? Скоро ли вставать?

Господи, да надо ж наконец проснуться!

И он открыл глаза.

– Ну наконец-то!

На него умильно смотрит женщина средних лет в белом халате.

– Вот уже вторые сутки ресничками моргаете, а я все жду-жду: когда же пробудиться изволите? Дежурю тут у вас, чтобы не пропустить! Ну вот и ладненько, проснулись! Добро пожаловать, дорогой Владислав Сергеевич, с возвращением вас!

Он неуверенно пошевелился. Он ничего не понял из речей женщины в халате.

– Вы кто? – разлепил он с трудом губы.

– Вот водичка, попейте!

Она приподнимает его голову вместе с подушкой и поит его из кружки с носиком. Теперь он замечает капельницу, иглу в вене его левой руки. За окном садится солнце.

– Я в больнице?

Голос совершенно чужой. Это не его голос, не его! Он не может говорить таким голосом – хриплым, словно Высоцкий. Еще один сон, только и всего. Он никак не может проснуться.

Он откидывается вместе с подушкой обратно, ловит на себе умильный взгляд женщины и закрывает глаза.

– Вот и хорошо, – доносится до него. – Пospите, поспите, вам необходим сон. Вы еще очень слабы после комы...

Вкус воды во рту. Настоящий. Свежий вкус воды, омывшей его залежалые десны.

– Вы сказали – комы? – Он не открыл глаз.

– Да вы поспите, теперь это будет нормальный, хороший сон, а потом поговорим. Ладно?

– Я был в коме?

– Послушайте, Владислав Сергеевич, – неуверенно произнесла женщина, – если вы не собираетесь спать, то я тогда заотделением позову – он велел позвать, когда вы выйдете...

– Из комы?

– Да, из комы, – несколько раздраженно ответила женщи-

на. — Я не должна говорить с вами, тут нужен психиатр. Подождите, раз спать не хотите.

Он открыл глаза и приподнялся на локте.

— Я не Владислав Сергеевич, — крикнул он вдогонку белому халату и увидел, как мелькнуло ее обернувшееся недоуменное лицо в проеме двери.

Он провалился в сон, на этот раз без сновидений, но неглубокий, должно быть. Потому как услышал шепот:

— Не будем его будить. Отложим на завтра.

— Вы меня извините за беспокойство, Валерий Валерьевич, но он проснулся и стал задавать вопросы...

— Не страшно. Вы правильно сделали, что позвали меня. Но сейчас не имеет смысла его трогать. Введите ему успокоительное, Зина, пусть поспит до завтра...

— Не надо успокоительное, — сказал он, открыв глаза. — Я хочу узнать, почему я в больнице.

Его вопрос застал доктора уже в дверях. Тот расплылся в радостной улыбке.

— С возвращением, дорогой Владислав Сергеевич! Мы рады вас приветствовать...

Какая-то туфта. Он поморщился.

— Ближе к делу можно? Что со мной произошло? Почему я в больнице?

— А вы не помните?

— Нет.

– Нет, – удовлетворенно подтвердил доктор. – В вашу машину врезался грузовик. После чего вы потеряли управление. Вы вылетели от удара через переднее стекло и весьма неудачно приземлились на пенёк... Не помните?

– Нет.

– Вернемся к разговору завтра. Вы только что вышли из комы. Выводы делать не будем – память вполне может вернуться к вам завтра. Договорились, Владислав Сергеевич?

– Я не Владислав Сергеевич.

– Хорошо, – согласился доктор. – А кто вы?

Он подумал. На ум ничего – ничего! – не приходило.

Доктор кивнул, будто примерно такой реакции и ожидал.

– Не исключено, что у вас амнезия. Но выводы будем делать завтра, ладно? Постарайтесь пока что уснуть.

– Не хочу. Я давно в коме?

Медсестра Зина, женщина в белом халате и с умильным лицом, протирала его руку ваткой и уже наострила шприц.

– Около десяти месяцев. Это не так уж много, знаете ли...

Завтра, дорогой Владислав Серг...

– Я не Владислав Сергеевич.

– Хорошо. Пожалуйста. Скажите, как вас зовут?

Он морщил лоб. И видел почему-то снова пляж. И жену в рост, и дочку – попой кверху.

– Не помню... У меня есть жена и дочка... Вы им сообщали?

– Завтра, все завтра. Зина?

– Через минуту заснет...

Яркое солнце в большом чистом окне. Оно нагрело его скулу и слезит глаза. Это из-за него ему приснился пляж?

Он больше не хотел снов про пляж.

– Можно задернуть занавеску?

– Проснулись? Отлично! Зина, опустите штору! Давайте знакомиться. Меня зовут Валерий Валерьевич. Я ваш врач. А вас как?

Молчание. Он разглядывал врача в оцепенении.

– Я в коме? – наконец проговорил он не своим, странным голосом.

– Нет, вы уже не в коме. Уже нет, понимаете? Вы из нее, слава богу, вышли.

– Да... – Он соображал с трудом, мысли разбегались и прятались в щели, как ящерицы на старой, прокаленной южной жарой каменной стене. И ни одну нельзя было ухватить за хвост. А если и удавалось, то в пальцах оставался только его обрывок. – Раз я говорю с вами – значит, вышел... Я ведь не сплю?

– Не спите, дорогой Владислав Сергеевич. Вы вышли из комы практически без потерь, с чем я вас от души поздравляю! У вас сохранились все моторные рефлексy!

– Я не Владислав Сергеевич!

– Хорошо, – согласился врач. – А кто вы? Как ваша фамилия?

Он молчал. На ум ничего не приходило.

– В каком году вы родились?

Молчание.

– По какому адресу проживаете?

Молчание.

– Не расстраивайтесь, – произнес врач сочувственно. –

После комы это часто бывает...

– Амнезия?

– Она самая... Удивительно, что вы помните слово.

– Я много чего помню, – буркнул он недовольно.

– Только не все, – кивнул врач. – Частичная амнезия. Что ж, будем восстанавливать память потихоньку.

– Почему я здесь? Что со мной произошло?

– Вы, Владислав Сергеевич, попали в автокатастрофу. Вас выбросило из машины...

Врач внимательно вглядывался в его лицо, словно собирался зафиксировать каждую перемену в его выражении. Но лицо пациента ничего не выражало. Тяжелые черты остались неподвижны, только в глазах светился требовательный вопрос.

– Вы получили серьезное сотрясение мозга, множественные локальные кровоизлияния в мозг... Я говорю понятно? Вам эти слова знакомы?

– Дальше!

– Что именно вы хотите узнать?

– Что значит «попал»? Кто в кого попал?

– Вы врезались в грузовик. Это не ваша вина, водитель грузовика нарушил правила движения. Он был пьян.

– Я был один в машине?

– Нет.

– Кончайте тянуть резину! – раздраженно распорядился пациент. – Если вы будете после каждого слова ждать, что я что-то вспомню, то я до вечера не услышу, что со мной произошло! Рассказывайте все подряд! Кто был со мной в машине? Что с ними?

– Ваша жена... – И врач опять замолчал, будто ловя его реакцию.

– Доктор!

– Извините. Ваша жена и ваш друг...

– Ну?!

– Они погибли... Оба.

Пытливый взгляд доктора раздражал невероятно: он просто лез в кишки.

– У меня есть кто-то еще из близких?

– Есть, дочь. Она учится в Англии. Ей сообщили о вашем выходе из комы, но она, к сожалению, приехать не сможет: у нее слишком плотный график учебы.

– И больше у меня никого нет?

– Насколько мне известно, других близких родственников нет. Возможно, друзья...

– Нет. Это был мой самый лучший друг.

– Ага, вы это помните! Как его звали?

– Не знаю. А жену – Лена. – Он прикрыл глаза. Врач надел ему.

– Елена, – кивнул врач. – Что еще припомните?

– Дочь... Купальник черный с золотом... Красивое тело, золотистая кожа, пляж в Анапе...

– По нашим сведениям, в последний раз вы отдыхали на пляжах Италии с семьей в прошлом году. В Анапе вы с семьей не бывали. Вы там родились.

Анапа. Белый город, черный загар. Бледные москвички, чья кожа постепенно озолачивалась солнцем...

– Дочь как зовут?

Тихо. Он молчит, только напряженно и недружелюбно смотрит на врача.

– Вы не помните вашу семью?

– Помню. Смутно...

– В некотором смысле это даже хорошо: сильные эмоции могли бы вам сейчас повредить! А так мы можем сконцентрировать наши усилия вокруг восстановления памяти... Расскажите все, что вы помните о семье.

Он наморщил лоб.

– Она москвичка. Жена, в смысле. Я женился на ней давно... – И он замолчал.

– Верно, – кивнул доктор. – Вы с ней познакомились, когда заканчивали институт. И вскоре поженились.

– А вы откуда знаете? – неприязненно спросил пациент.

– Ваши друзья рассказали. Для того чтобы определить,

возвращается ли к вам память, мы должны знать факты вашей биографии.

– У меня нет друзей. Был один. Но вы сказали, что он погиб.

– Хорошо, коллеги, – не стал спорить врач. – Вы их помните?

Молчание.

– А друга вашего? Что можете о нем рассказать?

Не дождавшись ответа, врач продолжил:

– Вы дружили с детства. Оба родом из Анапы. Его зовут... – Врач снова подождал, но подсказки не последовало. – ...Владилен!

– Владилен? Вот! Вот как меня зовут, понятно?

– Сожалею, Владислав Сергеевич. Посмотрите, вот ваш рабочий пропуск, можете сами убедиться.

Руки дрожат и плохо слушаются, но слушаются. Пластиковая карточка с фотографией: «Владислав Сергеевич Филиппов».

– Но это не я!

– В каком смысле?

– Фотография не моя!

Врач посмотрел на него внимательно и тихо распорядился: «Принесите зеркало».

Принесли зеркало размером с книжку. Он посмотрел в него. Потом на фотографию.

– Не похож, – он резко бросил на пол и то и другое.

– Зря вы так, – обиделся доктор.

Он нажал на кнопку, и через десять секунд явилась Зина. Врач кивнул ей на осколки зеркала, и Зина принялась немедленно их замечать.

– А паспорт у меня есть?

– Разумеется. Только вы его сдали на обмен... Кроме вас, никто не может его получить. Но это ваша фотография, Владислав Сергеевич, поверьте! Мы вас собрали по кусочкам! Вы, можно сказать, влетели в пень лицом на хорошей скорости. Что от него осталось – страшно рассказать. Мы вас восстановили по фотографиям... Если какое-то отличие есть, не обессудьте. Мы старались изо всех сил.

– И голос не мой, – заявил он. – Вы меня обманываете. Что со мной случилось на самом деле? Я обгорел в машине? У меня повреждены связки?

Врач покачал молча головой и доверительно присел на краешек его кровати.

– Незначительные надрывы от удара, не более... Как вам ни трудно смириться с этим, но я вам рассказываю правду. Я перечисляю факты – в надежде, что ваша память отзовется на них... Вашу жену звали Елена. Вашу дочь зовут Полина. И вы сами – Владислав Сергеевич.

– А Владилен кто?

Врач почему-то радостно кивнул.

– Вы знаете, откуда это имя, «Влад-и-лен»? «Владимир Ильич Ленин». Так называли вашего друга из Анапы его роди-

тели, в честь, так сказать, вождя пролетарской революции... И вы наверняка сейчас вспомните это... Ну же! Вы все детство дружили... В одном дворе росли! Припоминаете?

Он не припоминал. Какие-то обрывки, фрагменты, черно-белый калейдоскоп. Анапа, выбеленная солнцем, почерневшие от сладкой шелковицы губы, белый древний песок и два худых, до черноты загорелых тела на нем: его дружок Владька и сам он Владька, два задиристых галчонка... Владька не бегал с ним подсматривать за москвичками: он был помладше, девчонки его тогда еще не интересовали...

Тогда, в Анапе, в детстве... А теперь? Он ничего не понимал. Он попросил перенести разговор на завтра.

Но назавтра ничего не прояснилось. Он твердил, что фотография не его, что голос не его и лицо не его, что он не Владислав, что...

– А кто же вы? Чье это лицо, если не ваше?

– Оно мое... Но не совсем.

– А вы помните свое лицо? Закройте глаза и попытайтесь представить его. Ну как, получилось?

Он старательно закрыл глаза и попытался вспомнить... Ни черта не получалось.

– Вот видите, – укоризненно проговорил врач. – Вы себя просто забыли! На опознание мы пригласили ваших сотрудников, и они в один голос заявили, что вы – это вы. А вашего друга опознала его жена. Зина, пора инъекцию делать, на

сегодня хватит!

* * *

...Ей снилось, что она сидит у печки и смотрит на огонь. Он рыжими лохматами ластился к закопченным стенкам печки. «Лохматы» – это мать ей так говорила в детстве: «Людка, прибери лохматы!»

Пахло гарью – пришлось закрыть печку. Но почему-то перед глазами все равно пляшут рыжие лохматы. И пахнет гарью. И поленья – они потрескивают со странным стеклянным звоном... У нее уже режет глаза и щиплет ноздри от дыма...

Очередной стеклянный взрыв поленьев заставил ее от-крыть глаза.

За окнами ее дачи плясал огонь.

Собственно, окон уже не было: стекла лопнули от жара. Поленья со *стеклянным звоном!*..

Она помедлила в кровати, никак не соображая, но уже догадываясь... Хотелось натянуть одеяло с головой, и больше не видеть этой кошмарной реальности, и поверить, что это сон...

Но это был не сон. Ее дом горел. Горел, подожженный *сна-ружи*.

Люля рывком поднялась, приказывая себе не впадать в ис-

терику. Быстрее: одежда, сумка, что еще?! Ничего! Надо спастись!!!

Она, кашляя и задыхаясь, оделась за полминуты и, прижав к боку сумку, кинулась к двери. Раскаленный засов обжег пальцы. Схватив тряпку, она отодвинула его. Повернула два обычных замка.

Вот оно что... Как же она сразу не сообразила, почему подожгли снаружи...

Дверь не открывалась! Люля не знала, чем ее заперли, но дверь не открывалась!

Она вернулась на середину комнаты. Огонь лез во все четыре окна старой дачи, дышать было нечем, она старалась удержаться от кашля и вдыхать неглубоко, осматриваясь по сторонам в поисках выхода. На кухне небольшой подпол, там можно спрятаться. Но он тоже деревянный: он прогорит, и Люля если не сгорит заживо, то задохнется...

Больше ничего не оставалось. Она схватила с кровати одеяло, завернулась с головой, разбежалась на четыре шага и выбросилась через горящее окно на снег. Сдирая с себя загоревшееся одеяло, она проползла еще несколько метров вперед и зачерпнула снегу, прижав его к голове: одеяло в прыжке соскочило с головы, и волосы подпалились. На безопасном расстоянии от дома Люля села прямо на снег, глядя, как огонь подбирается к крыше. Еще бы лишних десять минут сна или паники, и она бы уже не выбралась из огня.

Она отползла чуть подальше и вдруг подумала, что тот,

кто поджег ее дачу, может сейчас наблюдать за ней из темноты, досадуя, что она опять увернулась от смерти. С чем на этот раз он выпрыгнет из тех кустов, что у нее за спиной? С ножом? С удавкой? Или просто выстрелит ей в спину?

В ней все смерзлось от снега и от страха. Замедленно оборачиваясь, она заметила какое-то движение. И поняла, что на этот раз ей не спастись. Черный силуэт приближался к ней, а в ней все смерзлось от страха и снега. Ни встать, ни побежать, ни на помощь позвать.

Все. На этот раз он добьется своего.

– Людочка!!! – истошно кричал женский голос. – Людочка, вы же горите!!! Вы где?

За женщиной, перешагивая сугробы, пробирался мужчина в валенках, вглядываясь в огонь.

– Если она еще не выскочила, то уже все, поздно, пропала... – произнес он. – Ты пожарников вызвала?

– Да куда там! Я как увидела в окошко, что Людочкин дом горит, так только тебя в бок толкнула, пальто на ночнушку накинула и выскочила. И в тапках – полные ноги снегу теперь! Неужто ничего нельзя сделать, а, Миш?

– Ты поди домой, вызови пожарников и переоденься. И милицию вызови на всякий случай. Иди, Валь, поторопись! А я пока посмотрю тут.

– Что ты посмотришь? – испуганно проговорила женщина. – Ты же не полезешь в огонь? Сам сказал: если она не вы-

скочила, так уже поздно... Ты не вздумай, слышишь, Миш!
– Да не бойся ты, иди, переоденься, позвони! Мобильный на зарядке, на столе. Я только круг сделаю, погляжу, что к чему. Странное тут что-то...

Мужчина двинулся, держась на расстоянии от огня, в обход дома.

– Что? Что странное? – заволновалась женщина, семена за ним.

– Я же тебе сказал: поди позвони как человек в пожарную часть! И в милицию тоже! А наговориться успеем. Ты прям, Валя, как...

Он не договорил. Голос у него вдруг пропал: Люля лежала перед ним на снегу, и снег возле ее головы был красным.

Он застыл на месте. Жена, шедшая за ним, толкнулась в его спину. Он молча ступил в сторону, открывая для нее картину. Валя охнула и со стоном присела на корточки, обхватив руками голову.

– Быстро, Валя, быстро домой! Звони! – очнулся мужчина по имени Миша, и голос его тоже очнулся.

– А ты что? – беспокоилась Валя за мужа.

– Звонить, я сказал! – рявкнул Миша, и Валя, пятясь некоторое время задом, не в силах оторвать взгляда от лежащей женщины и небольшого красного пятна на снегу, хорошо видного в свете огня, вдруг развернулась и припустилась изо всех сил к своей даче, загребая тапками снег.

Пока приехали пожарные, дом сгорел почти до основания.

Пока приехала милиция, Люля уже основательно напилась водки на кухоньке у соседей.

Миша принес ее на руках в дом, как только, собравшись с духом, приблизился к ней и убедился, к своей немалой радости, что она жива. Они с Вале́й привели ее в чувство, осмотрели голову: на коже имелся длинный, глубокий, корявый порез. Видимо, об острый осколок оконного стекла, когда прыгала. От него же и одеяло соскочило с головы, и теперь от Люли пахло паленым: волосы обгорели.

Порез обработали йодом, Люле налили водки.

– Пей, Людочка, – распорядился Миша. – Огурчика дать? Валь, достань ей.

Люля опрокинула стопку по-мужски, целиком. Хрустнула огурчиком, глядя в клеенку стола.

– Давай джинсики твои посушим, а? – заботливо спрашивала Валя. – На попе ведь мокрые совсем, нехорошо это для женских дел...

Люля молча опрокинула в себя еще одну стопку. Снова хрустнула огурчиком.

– Оставь ее, мать, – негромко сказал Миша, глядя на неподвижную Людочку. – Сейчас водочка ее везде прогреет, и в женских ваших делах тоже.

Но сам все же сходил куда-то и притащил старую куртку, набросил Люле на плечи. Та даже головы не повернула.

– Вот горе-то какое... – прошептала Валя. – Муженек ее

сначала, а теперь сама чуть не померла... – Валя всхлипнула от жалости.

– Жива же, – возразил муж. – Ничего, оклемается. Это у нее ступор, пройдет. Пусть пока водочки попьет.

Люля так напилась «водочки», что была не в состоянии ответить ни на один вопрос милиции. Впрочем, как знать, была бы она в состоянии без водочки...

Миша вызвался дать самые подробные показания и ушел с капитаном к останкам дачи, от которых курился горький дым.

– Вот тут ее и нашел, Людмилу, – видите пятно крови? – а прыгала она точно через окошко, что вот примерно тут где-то было. У них дачка старая, всего ничего: комнатка побольше да комнатка поменьше. Печка – кухня как бы – в сенях, и еще верандочка была, вот тут. А скажу я вам, товарищ капитан, что дом снаружи подожгли. Дело ясное: когда изнутри пожар, так огонь изнутри и валит. А тут дом снаружи горел, будто его бензином облили и подожгли, точно вам говорю! И Люда, когда в себя пришла, сказала: дверь кто-то снаружи запер. Оттого она в окошко и прыгала, голову порезала, волосы опалила... А кто поджег, никакой идеи у меня нет, товарищ капитан, я их дел не знаю... Муж вот у нее в автокатастрофе погиб, год тому уже скоро или около того, – так я уж теперь думаю: может, нарочно кто подстроил ему смерть в машине? Где же это видано, чтобы женщину

живьем в доме жечь! Тут что-то нечисто, товарищ капитан. Вы там приложите силы, что за изверги такие, надо их поймавать...

Люля провела у гостеприимных соседей еще три дня, не выходя из прострации, а на четвертый день засобиралась. Стесняясь, выложила им все наличные деньги, несколько тысяч рублей. Как ни махали они руками, сумела настоять. Миша работал машинистом в метро, Валя – нянечкой в детском саду; московскую квартирку они сдавали, потому и жили на даче круглый год. Хоть в этом повезло Люле: если бы не соседи...

Она так и не знала, был ли тогда кто-то в саду или нет. Если был, так его спугнули соседи... А может, она как раз дядю Мишу и увидела? В том полуобморочном состоянии она понять не успела. И уже не узнать: пожарники так затоптали снег и затерли его брандспойтами, что никаких следов на нем теперь не разобрать.

Одно было ясно: это поджог. Экспертиза установила, как и предположил сосед Миша, что дом облили бензином и...

Чем заперли дверь снаружи, с точностью сказать невозможно, но не исключено, что подперли ее тем черным, но все-таки сохранившимся толстым бревном, что нашли на пожарище.

...Через три дня им овладело такое безразличие, что он больше не спорил. Владислав так Владислав. Жена погибла, дочь не может навестить отца, у нее есть дела поважнее – надо, наверное, переживать... Это близкие люди... Или нет?

И лучший друг погиб.

А он, он жив почему-то... Надо, наверное, переживать...

Но у него не было никаких эмоций. Никаких. Только где-то на дне мозга, в самой его глубине шевелился жалкий червячок, силясь проложить ходы и связать между собой фрагменты воспоминаний.

Жалкий, ничтожный червячок! Он никогда не преодолеет твердыню его окаменевшего от рубцов мозга – никогда.

Через пять дней он научился без запинки отвечать, что его зовут Владислав Сергеевич, что в машине были жена по имени Елена и друг по имени Владилен и что они погибли. Он один остался жив, но от удара вылетел через переднее стекло из машины (ремень, конечно же, не пристегивал!) и попал лицом прямо в пенё. После чего лицо пришлось восстанавливать по фотографиям...

И еще у него есть дочь Полина, которая не сможет приехать к нему: занята.

А ему, собственно, и не надо.

Он много спал и мало бодрствовал – успокоительные, которыми его пичкали, делали свое дело. Он сам себе напоминал разбуженного зимнего медведя, злого и одновременно вялого, ослабевшего. Он порывался настоять, что вполне может обходиться без лекарств. Врач не соглашался. Влад спорил. Тогда Валерий Валерьевич уступил:

– Хорошо. Вы убедитесь в моей правоте. Успокоительные на завтра не назначаю.

Весь день он провел в необъяснимой тревоге и истерике. Он плакал, дрожали руки и ноги, было отчего-то все время холодно, и он мерз и плакал – неизвестно почему. Может, потому, что вдруг вспомнил, как в последний момент, завидев громаду грузовика, развернул машину, стараясь обойти опасность, инстинктивно защищая от максимального удара себя. И двоих пассажиров своей машины невольно подставил под удар. Укокошил. А сам жив.

И он попросил успокоительных.

Протянулась неделя, лишенная вкуса и запаха. Он по-прежнему чувствовал себя злым разбуженным медведем, бессильным большим зверем, пойманным спросонку в капкан.

За это время его не раз посещали бессвязные обрывки воспоминаний, то в снах, то наяву, которые не желали связываться между собой и превращаться в *память*. И к концу этой недели Влад снова затребовал снять лекарства.

– ...Все это вместе: ваше посткоматозное состояние и последствия кровоизлияния, – журчал врач, увещевая, – привели к тому, что некоторые участки мозга временно выключены. Вы подвержены излишней слезливости и нервозности – эти явления хорошо известны при инсультах. Поверьте мне, на данном этапе прописанные вам средства – лучшее решение, – мягко говорил врач, но в глазах электрическими искрами пробежало раздражение. – Зачем вы от них отказываетесь? Снова проплачете весь день!

– Они мешают мне вспоминать!

– Это иллюзия, – ответил Валерий Валерьевич. – Успокоительные средства никоим образом не могут влиять на вашу амнезию! Напротив, они поддерживают состояние психического равновесия, в котором у вашей памяти куда больше шансов вернуться!

– Давайте все-таки снова попробуем, – ответил Влад. – От ваших уколов у меня голова ватная. Как старое одеяло, в котором вата уже давно распалась на слежалые клочки...

– Это не уколы, а мозговая травма виновата!.. Ну хорошо. Зря вы мне не доверяете, – обиженно произнес доктор, – но пусть будет по-вашему. Завтра колоть не будем. Тогда и увидите, что я был прав...

Он был прав, доктор. Владу пришлось признать это к концу дня. Он снова плакал, где-то отстраненно, с удивлением констатируя, что ему это совершенно не свойственно, но

удержаться от слез не было никаких сил. Он плакал от благодарности к заботливой медсестре Зине, которая пришла, чтобы ввести ему порцию витаминов; он плакал при мысли, что жена и друг погибли; он плакал потому, что, хоть и невольно, убил их... Он плакал оттого, что солнце садилось, и закат почему-то рвал душу; оттого, что Зина прощалась до завтра, и ему казалось, что нет более ни одной близкой души во всем мире...

Наутро Валерий Валерьевич ему мягко выговаривал:

– Ну, теперь вы убедились, что мой метод лечения верен?

Клиника была частная, наверняка дорогая; платила фирма Влада. Врач был воплощением вежливости, весь до пяток к услугам клиента – пациента то есть. Он ни на чем не настаивал, он только уговаривал...

Но Влад был вынужден признать правоту доктора.

Теперь он безропотно подставлял вены под уколы и больше не помышлял об экспериментах. Без успокоительных средств он превращался в тряпку, годную разве только для подтирания луж слез.

Что же до памяти, то она явно не собиралась уступить ему ни клочка информации. Впрочем, он, в кратком просвете ясного мышления, попросил фотографии друга. Ему принесли. Детские фотографии: ну, кто здесь кто?

Влад молчал, болезненно всматриваясь в черно-белый старый снимок.

– Родителей своих узнаете?

Родители... Вот эти двое, кажется, это его... мама и папа... Неужели он их позабыл? Да нет же, не позабыл – вот, это они, он помнит!

Странное дело, его сознание будто мерцало, то принося ощущения узнавания, то вдруг стирая все, как ластиком, оставляя широкую бесцветную полосу небытия на плотно исписанном полотне его жизни.

– Мои родители живы?

– Увы... Ваш папа умер шесть лет назад, мама – два года тому. Вы их узнаете?

– Вроде да.

– То есть вы не уверены, что это *ваши* родители?

– Кажется... Уверен.

– Прекрасно, Владислав Сергеевич! А это кто?

– Владькины родители?

– Отлично! А это? – Он ткнул пальцем в мальчика, неловко замершего под рукой другой женщины.

– Наверное, Владька? Мой друг?

– Он самый. Вы узнали или догадались?

– Не знаю. Ничего не знаю... А может, это я?

– ...Интереснейший случай частичного замещения личности. Пациент отождествляет себя со своим другом, погибшим в автокатастрофе. Он ощущает себя ответственным за случившееся, так как он был за рулем, – прошу всех обра-

тить внимание на этот факт. Это и привело к замещению: подсознательное желание воскресить друга, в смерти которого он виноват, хоть и невольно. Ему хочется верить, что в автокатастрофе умер он сам, а друг выжил. Иными словами, попытка избавиться от тягостного чувства вины. Как мы видим, смерть жены у него подобных эмоций не спровоцировала. И это при том, что пациент обоих помнит крайне обрывочно и смутно. Что говорит о дифференциации его отношений и классификации ценностей, в которых однозначно дружба занимала более высокое место, чем семья... Вопросы есть?

Вопросов не было. У его аспирантов никогда не было вопросов: считалось, что вопросы могут быть только у тех, кто слушал невнимательно или отличается особой тупостью. Они почтительно плелись в хвосте во время обхода, с любопытством наблюдая из-за спины профессора за пациентами с последствиями различных мозговых травм. Впрочем, никто из аспирантов не сомневался: предстоит большая работа по изучению каждого конкретного случая, а все грядущие статьи по ним напишет их профессор, светило всех наук, предварительно собрав заключения у аспирантов. И, слегка перефразировав их тексты, Валерий Валерьевич выпустит труд под своим именем...

– Думайте, думайте! Кому вы мешаете, чем? Если бы ваши ценности-драгоценности были нужны, так вас ограбили бы! А тут – *хотят устранить вас*. Кто-то хочет ваше место на работе? Вы, как это, художник по костюмам...

– Можно и так назвать, – соглашалась Люля, – но только я дорогу никому не перебегала, никого не обидела, за что желать мне смерти?

– При чем тут обиды? – недоумевал следователь. – Это просто конкуренция. Кто-то зарится на ваше место и вашу зарплату, к примеру.

– У меня нет зарплаты, – объясняла Люля, – я получаю гонорары за каждую разработку. И конкурентов у меня нет: я не боец, не борец, – стоит только мне сказать, что я не нужна, и я уйду. Все это знают.

– Ха! Это ваше начальство знает. Это по его слову вы можете уйти. А конкурент вам такого сказать не может. Потому и пытается от вас избавиться! Почему нет? Место небось тепленькое, блатное?

Он ковырял в зубах палочкой для аперитива, чем ужасно раздражал ее.

– У меня нет начальства, это раз. Я сочиняю, предлагаю – модельер берет или нет. На мое место попасть нельзя, потому что у меня нет *места* – это два. У меня есть талант, и

любой другой талантливый человек имеет шанс занять место рядом со мной, совсем необязательно вместо меня!..

– Ой! – по-бабьи воскликнул следователь, прихихикнув. – Талант везде себе пробьет дорогу?

Люля вздохнула. И да, и нет... Талант обязательно нужен. В этой сфере без него не пробиться – это совсем не так, как, к примеру, в шоу-бизе, где вместо голоса сойдут смазливая мордаха и максимально обнаженные силиконовые запчасти...

Но чтобы талант заметили, оценили, для этого нужен еще один, особый талант: прорыва, взятия осадой или на абордаж! А люди, как правило, владеют только одним талантом: либо творческим, либо пробивным.

Она вспомнила свои первые, до Владьки, визиты в приемные известных модельеров, убийственно безнадежные визиты. Требовался мощный таран, чтобы вломиться прямымиком к тому, кто оценит ее талант и при этом не обдурит. Владька и стал ее тараном. Он сказал как-то: «Никаких дружеских услуг не признаю, это лучший способ потерять друзей и нажить врагов. Деньги – вот единственный беспристрастный посредник в делах, который не подводит никогда. Поэтому я никогда не прошу – я плачу!»

Она имела возможность воочию увидеть, как Владька применяет теорию на практике. Он являлся к очередной фифе – не в джинсах, конечно, и не в небрежно заправленной рубашке, а в дорогом костюме. На пальце здоровый золотой

перстень – «для козлов и козлих», говорил он дома, надевая перстень. Шикарная машина оставлена прямо перед входом, на виду. «С волками жить – по-волчьи выть», – говорил он, нагло паркуясь у стеклянных дверей.

Разговор был короток.

– У вас какая зарплата, милая? – говорил он ласково фифе.

Та удивлялась, мялась, но ласковые глаза с пляшущими чертиками делали свое дело, и фифа называла сумму.

– Я плачу вам премиальные в размере месячного оклада. Вы берете вот эти эскизы, выдаете мне расписку в получении – вот здесь распишитесь – и делаете все, чтобы ваше светило изволило их изучить. При этом бдите, чтобы у него не появилась мыслишка их слямзить. Скажете, что авторские права защищены, что автор много работала за границей, а сейчас в силу семейных обстоятельств вернулась на родину и готова поработать на благо отечества. Дайте понять, что принимать эскизы он не обязан, но идеи настоятельно не рекомендуется красть: дороже обойдется! Вы меня поняли? Вот диктофон. – И Владька совал обалдевшей фифе в руки крошечную штучку вполладони. – Вы его положите в карман – он сам включится на звук. Работы у вас на десять минут, но, как только я получу запись вашего разговора, вы получите премиальные в размере месячного оклада. Вне зависимости от конечного результата. Идет?

Эскизы Люли взяли четверо из пятерых. Последний счел,

что ее разработки решительно не в его стиле. Что ж, имеет право. Четырех Люле хватало за глаза.

Спустя некоторое время она определилась в своих вкусах и пристрастиях и стала работать только на одного, на Славу Мошковского. Ей нравились его утонченные фантазии, чувство формы и цвета, точное восприятие геометрии тело – одежда – пространство. И, самое главное, он был единственным, кто не подгонял манекенщиц под одежду, но всегда наоборот: одежду под их индивидуальность.

Именно в этом состояла его оригинальность, его вызывающая смелость, если не сказать – нахальство. На одном из показов он выпустил на подиум настоящую толстушку, и именно она удостоилась самых бурных аплодисментов. Слава тогда еще вышел к зрителям и заявил, что он устроил «праздник тела – самой совершенной одежды нашей души». Аплодисменты превратились в овации, а Слава после этого показа стал новой звездой русской моды и получил несколько соблазнительных предложений за границу.

Люлю он любил нежно – так, как могут любить женщин гомосексуалисты, когда почти женская дружба лишена всякой женской же мелочности... Люля отвечала полной взаимностью. Незадолго до Владькиной смерти Слава Мошковский начал ее уговаривать, чтобы она сама вышла на подиум. «В твоей угловатости и неловкости – море обаяния, – уверял ее Славка. – В твоей неуклюжести проглядывает душа, мое солнышко, весь твой нежный и колючий характер, а именно

личность меня интересует больше всего! Я хочу, чтобы за одеждой было видно тело, а за телом – душа...»

Нет, никто не мог занять ее место возле Славы! Треть его коллекции была вдохновлена ее эскизами, и он никогда не забывал упомянуть ее как участника разработок. И занять место Люли можно только идеями еще более талантливыми, чем у нее. Так что убивать ее совершенно незачем: достаточно принести более оригинальные идеи...

Она попыталась объяснить это следователю. Она не знала, о чем он думает, глядя на нее водянистыми глазами без всякого выражения и ковыряя в зубах палкой для оливок.

– Ну, допустим, – прорезался он наконец. – Ну, а у мужа покойного – там что?

Она не знала. У нее остались какие-то бумаги, акции, но она в них ни разу не заглянула.

Следователь только хмыкнул, возмущенно потрянув головой, и записал под ее диктовку название фирмы, где работал Владька: «Росомаха».

Он позвонил ей через неделю. И сообщил, что ее муж никогда не числился в фирме «Росомаха».

Люля уже перебралась в загородный дом, где новый телохранитель по имени Артем нес службу еженощно. Пока все шло без приключений, слава богу.

Просидев в прострации несколько часов после звонка следователя, Люля вдруг очнулась и позвала Артема ужинать.

На столе стояла запотевшая бутылка водки «Абсолют» – Владька ее любил, и ее запасов в подвале хватило бы на год. На кухне вкусно пахло жареной картошкой с луком и рыбой.

Артем, однако, пить отказался, сославшись на службу, и Люля пила одна.

До того, как напиться окончательно – что, собственно, и являлось ее конечной целью, – она успела спросить Артема:

– Вы когда-нибудь вели двойную жизнь?

Он не понял вопроса. Пришлось пояснять:

– Например, вы работали в одном месте, а жене соврали, что в другом?

– Зачем? – удивился Артем.

– Вот и я думаю: зачем?

– Только если он секретный агент, – подумав, предположил Артем. – У них всегда «легенды». Даже для семьи...

Она помнила эти слова утром. И они распирали ее мозг.

Она позвонила Славке.

... Люля не очень любила квартиру Славы Мошковского: ангар, а не квартира. Он зачем-то сломал все стены и сделал огромное единое пространство, где помещалось все на свете: кухня, гостиная, столовая, спальня... «У меня, как у всех маленьких мужчин, – мегаломания, неодолимая тяга к большим и великим вещам, – смеялся Славка. – Мне нужно огромное пространство и великие идеи. И если бы я был гетеросексуалом, то непременно завел бы себе подружку на

пару голов выше себя, а с каблуками – так на все три!»

От стенки, где располагалась кухонная мебель, до противоположной было добрых метров тридцать в длину. И она едва слышала Славку, который жарил на разных сковородках креветки и капустные котлеты (он был вегетарианцем), пока она потягивала сок манго с ромом из высокого стакана за низким столиком. Женщин Слава до кухни не допускал – он и здесь был единоличным творцом и художником, и Люля сидела как идиотка одна за столиком посреди этого ангара, перекрикиваясь со Славой, суетившимся у плиты под шумной вытяжкой.

– А этот его друг детства – они же вместе работали! Если память не изменяет, он тезка твоего мужа, Влад! Так надо у него и спросить, как называется фирма!

– Следователь пытался с ним связаться. Но он не так давно вышел из комы, и у него потеря памяти... Бесполезно спрашивать.

– Амнезия, что ли?

– Она самая.

Наконец Слава закончил свой ритуал по приготовлению ужина и пригласил ее занять место за столом. Впервые со смерти Владьки Люля почувствовала себя хоть как-то, хоть более-менее уютно... Славка свой, очень свой, близкий, и теперь она удивлялась, почему не хотела его видеть все это время после похорон. Наверное, просто потому, что ей казалось, что жизнь закончилась. Закончилась совсем и навсегда.

Оказалось, что нет; оказалось, что ей не хочется быть раздавленной машиной или сожженной заживо... Оказалось, что еще можно ощущать если не радость, если не счастье, то хотя бы душевный комфорт... Со Славкой, к примеру.

– М-да, – сказал Слава, наливая ей белое вино. – Ерунда какая-то... А ты это откуда взяла – «Росомаха»?

– Мы встречались несколько раз с Владькой у выхода. Он говорил, что это его фирма.

Слава вернулся к плите, снял шипящую сковородку с тигровыми креветками под чесночным соусом, облил их коньяком, поджег и притащил это исчадие ада с синим пламенем на стол. Пахло до одури вкусно.

Разложив креветки по тарелкам, Слава наконец уселся напротив нее.

– А визитки у него были?

– Конечно. Но мне ни разу не пришло в голову посмотреть, что там написано...

– Так посмотри! И еще: ты говорила, что он большой спец по компьютерам? А «Росомаха» эта чем занимается?

– Пушниной. Меха́ми, в смысле.

– Может, он у них по компьютерам был главный?

– Следователь сказал, что он там не числился.

– Хм... А акции? Ты говорила, акции остались?

– Несколько фирм. «Росомаха» в том числе. Славк, как ты думаешь, Владик мог быть секретным агентом?

– Владик? – Слава не стал иронизировать и честно задумался.

мался. – А акции? Это, хочешь не хочешь, а бизнес. Секретные агенты не занимаются бизнесом... Или я сужу по всяким киношкам?

Он помолчал, соображая.

– Нет, Люлёк, вряд ли. Акции непременно оставляют следы. Где-то ведь записано, что они на него... Это же товар, а раз есть товар, значит, есть и сделка.

– А если это часть легенды? Типа, бизнесмен?

– Мы с тобой не с той стороны зашли, душа моя. Он часто отлучался? Ездил в командировки? Приходил слишком поздно с работы?

– Нет.

– Тогда он на агента не потянет. В этой профессии нет нормированного рабочего дня. Опять же, я, может, штампами мыслю, но, по логике вещей... Знаешь что, Люлёк? Тебе нужен приличный частный детектив! Вот и все, и пусть у него голова болит! Погоди, я сейчас разузнаю.

Люля не успела даже ответить, как Мошковский уже набрал номер и ласково загудел в телефон:

– Александра? Здравствуй, дорогая. Помнится мне, твой любовник детективом работает, а? Да? И как с ним связаться? У меня-то? Ничего, бог миловал. А вот у одной моей душевной подружки наметились кое-какие проблемы... Ага, записываю!

– Вот, – Слава протянул Люле листок бумаги. – Давай-ка прямо сейчас и позвоним. Не то, знаю я тебя, – как одна без

присмотря останешься, так завернешься в свои свитера и отгородишься ими от жизни, как броней! А жизнь продолжается, Люлёк! Заканчивай-ка свои креветки, котлеты капустные истомились в ожидании! А я сам позвоню пока. Ешь, ешь! Пока я с ним поболтаю, ты уже дожуешь, не волнуйся...

Но ей даже не пришлось брать трубку, Слава обо всем договорился сам. Встречу назначили на завтра.

Ужин был закончен, несколько Славкиных набросков обсуждено, обещание вернуться к работе Люлей дадено.

Телохранитель Артем получил ее из Славкиных рук, и они вернулись в загородный дом, находившийся по Ярославскому направлению в прелестном местечке над речкой, носившем прелестное название: «Охраняемая зона номер 2».

На въезде охранник, узнав Люлю, поднял шлагбаум, но вышел из будочки и направился к ее машине, точнее, к машине Артема.

– У вас проблемы с канализацией, Людмила Афанасьевна?

У нее не было проблем с канализацией. Она удивилась вопросу.

– Тут приезжали двое. Сказали, что поступил сигнал – в нашей зоне якобы канализация неисправна. А я им ответил, что общей канализации у нас нет, у каждого своя. Тогда они назвали ваш дом. Я их не пустил, Людмила Афанасьевна. Смурные какие-то ребята.

Люля посмотрела на Артема. Тот кивнул.

– Вы правильно сделали, – сказал Артем охраннику. – Спасибо. Сами понимаете, одинокая женщина, вдова... Вы и впредь будьте начеку, ладно?

Люля вытащила из портмоне сто долларов и вручила их охраннику. Тот не отказался, хоть и принял деньги с видимым смущением.

– Что, Артем, подбираются ко мне, как вы думаете? – спросила она почти весело, когда они вошли в дом.

– Подбираются, Людмила.

– А если бы они догадались раньше меня сторожу столько дать, что тогда? Взял бы он у них?

– Возможно.

Люля засмеялась.

– Воз-мож-но... – повторила она. – А если вас подкупать будут, вы как, продадитесь?

– Обижаете. Зачем вы так, Людмила? Я человек с понятиями. С меня Афгана хватит.

– Простите, Артем.

Он молчал.

– Пожалуйста, простите, – снова попросила она. – Мы ведь за все время парой десятков слов только перекинулись, согласитесь, я вас совсем не знаю. А в наше продажное время...

– Не извиняйтесь. Я понимаю, вам трудно сейчас. Не обижаюсь, не беспокоюсь. Особенно если ужинать дадите, – улыбнулся Артем.

– Господи, – спохватилась Люля, ведь, пока она ужинала у Славки, Артем сидел в машине голодный!

Она направилась на кухню, приготовила омлет на сметане с грибами и ветчиной и долго звала Артема, пока не поняла, что его в доме нет.

Ей стало не на шутку плохо.

«Я человек с понятиями. С меня Афгана хватит», – крутилось у нее в голове. Слова, это всего лишь слова... Всего лишь слова... Он ее бросил? Оставил территорию для убийцы?

Она рванула к входной двери, проверила запоры, включила сигнализацию. А охранник на въезде в *зону*? Он взял у нее сто долларов, но, как знать, может, он уже взял пятьсот у убийц?

Минут через двадцать раздался звонок в дверь.
Артем.

Люля до рези в глазах вглядывалась в глазок: один? Или кого привел с собой?

Открыла все-таки. Привалилась без сил спиной к стене прихожей.

– Я решил посмотреть, в целости ли забор, – озабоченно произнес Артем на пороге. – Вы что, Людмила?!

Ее трясло от рыданий без слез. Ей было стыдно до обморока, и в то же время она понимала, что теперь шкурный страх за свою никчемную жизнь будет повсюду бежать впе-

реди нее, подозревая и обижая всех тех, кто рядом с ней...

Кажется, она просила прощения. Что-то слишком сложно и длинно объясняла. Артем слушал-слушал, потом коротко перебил:

– Глупости какие. Поесть-то дадите?

И, уже наевшись, сообщил, что в одном месте, там, где бетонная стена прилегает к лесу, сделан подкоп. Точнее, подкоп находился в процессе: за стеной кто-то орудовал лопатой. Пока Артем выбрался с территории и добежал до места подкопа, там, разумеется, и след простыл от копателя.

Он охране уже сообщил, меры приняты немедленно. Владельцы дач в «Охраняемой зоне номер 2» платят за свою безопасность немалые деньги, так что ребята постарались: подкоп засыпается, а по «зоне» отправился наряд с намерением выявить любую несанкционированную личность...

– Не беспокойтесь так, Людмила, – говорил Артем, налегая на десерт, ванильное мороженое с орехами, которое он страшно любил. – Тут народ серьезный, я с ними потолковал. Я вам честно скажу: эти ваши железные двери вместе с сигнализацией – это все фигня, плюнь и разотри. А зато вот тот мужик, что охраняет въезд, – вот это и есть препятствие. Я с ним тоже поговорил – он человек, понимаете? Нормальный человек, с понятиями... Если будете подозревать всех, Люда, крыша поедет. Так что вы не нервничайте. Я с вами. И я – я тоже препятствие. Так-то, Людочка.

И он накрыл своей большой ладонью ее руки, сцепленные

в отчаянии на столе.

Люля подняла на него глаза.

Он поспешно убрал руку.

Артем был холост, в силу чего располагал своим временем полностью. Да и то, его грубоватое и обычно угрюмое лицо с двумя шрамами (один поперек брови, черной и густой; второй по краю верхней губы) вряд ли вызывало бурный прилив женского энтузиазма. Его рабочими часами у Люли были ночные, днем он отсыпался. Проще было, коль скоро его никто и нигде не ждал, чтобы отсыпался он в доме у Люли. Она отвела ему комнату, ни разу не задумавшись о постоянном присутствии *мужчины* в доме. Только сейчас, в первый раз, когда он поспешно снял теплую, большую ладонь с ее сжатых кулачков, она вдруг подумала о том, что он мужчина, который фактически живет в ее доме.

После этой мысли ее ночь осложнилась. А что, если он – вдруг! – неправильно понял ее любезное предложение жить в ее доме? А что, если он...

Но он – *ничего*. Ничего не подумал, не предпринял, не сделал ложных выводов.

И Люля, беспокойно проворочавшись в постели полтора часа, благополучно заснула.

...Для того, чтобы проснуться в руках Артема.

Он полулежал рядом, поверх одеяла, поглаживая ее по

плечу.

Встреча их взглядов была трудной: ее недоумение, в котором вот-вот родится негодование; его напряжение, вот-вот готовое перейти в чувство вины...

– Вы плакали во сне, – сказал он, поднимаясь. – Я хотел вас успокоить.

Люля провела рукой по подушке: она была влажной.

– Спасибо, Артем. Я оценила... Но...

– Я понял.

– Я хочу сказать...

– Я понял, – резко повторил Артем.

...«Измена – это понятие, постороннее чувствам. Оно проистекает из морали, то есть от ума, а не из чувств, которые свободны по своей природе. Люди накладывают понятие измены на чувства, как вериги. Как обязательство, как долг, – *вопреки* чувствам. Но разве можно обязать чувства? Кто имеет право лишить другого человека бесценного опыта для души и для тела? Только потому, что в нем говорит ревность и собственническое чувство? Я бы никогда не стал тем, что я есть сейчас, если бы я не прошел свой опыт, Люля. Если бы я его не пережил, то Золушка осталась бы для меня навсегда посудомойкой. И разве я могу тебе вменять в обязанность *верность*? Нет, Люля, таких прав я не могу себе присвоить. Ты свободна, помни это...»

Она тогда очень удивилась. Даже неприятно удивилась, ей

совсем не понравилась свобода, которую он ей предоставлял. Она была достаточно ревнива, но видела, что Владька свободы от нее не искал: он ее успел поиметь в избытке до нее. Нет, Люля знала, что подвоха в его словах не было, в том смысле, что он не пытался ничего выгадать для себя. Он действительно готов был предоставить свободу *ей*, но ей это не нравилось. Она не хотела свободы от него. Она его не понимала.

А вот сейчас поняла. Артем нисколько не привлекал ее как мужчина, но, боже мой, как легко было бы сейчас замкнуть его сильные руки на себе! Руки, явно истосковавшиеся по нежности, по женщине...

Это было бы легко и почти естественно в данных обстоятельствах: ей остро требовалось тепло, поддержка – мужская поддержка, конечно, не дружеский бабский треп... Да и не было у нее подруг, если честно. Люля всю жизнь полагалась только на себя и к душевным отношениям с детства не была приучена. «Ты дикая, – говорил Владька. – Ты никогда не знала ласкающей руки и не веришь ей. Мне нравится тебя приручать, дикарка моя...»

И Владька ее приручил. Она доверилась *ласкающей руке*, и теперь ей было плохо без нее. А в руках Артема ей почудилось то самое тепло, та бережная уверенность, в которой она так нуждалась сейчас... И у нее все было, чтобы позволить этим рукам замкнуться на себе: и желание ощутить их нежную опеку, и великодушное разрешение Владьки.

Все, кроме одного: женским чутьем она уловила, что Артем готов ее любить. А она могла ему только позволить сомкнуть руки у нее на спине. Так всучивают фальшивую пачку денег: сверху купюра, в середине газетная бумага. Одно ее слово, одна ночь – и она станет *кидалой* у обменного пункта.

Она бы себе не простила такой подлости.

– Мне нужно одеться. – Она натянула одеяло до подбородка.

– Извините.

Артем вышел из спальни, и Люля поспешно встала: на сегодня было назначено randevу с частным детективом, которого звали Алексей Кисанов.

* * *

– На работу?!

Он так удивился, что зачем-то вскочил с кровати.

– За ваше лечение платит фирма. Они считают, что частичные провалы в памяти, касающиеся в основном вашей личной жизни, не мешают вам вернуться на службу.

Влад посмотрел на огромную корзину с фруктами, которую ему пару дней назад принесли три сослуживца. Их визит не произвел на Влада никакого впечатления: своих коллег он успешно забыл, они не оставили никакого, даже смутного следа в его памяти. Он поймал взгляды, которыми они обменивались между собой: надо думать, что он и его лепет

представляли весьма жалкое зрелище. Визит утомил его и оставил неприятный осадок.

– А вы как считаете, Валерий Валерьевич?

– Я... Видите ли, у нас частная клиника. Вы провели у нас почти десять месяцев в коме и уже месяц после выхода из комы. Это большие расходы. И если нам больше не хотят платить... Вы понимаете?

– Да.

Он лег на кровать, подавив волну возбуждения. Даже глаза прикрыл, чтобы успокоиться. Он до сих пор ни разу не подумал о том, что будет с ним дальше, когда он выйдет из клиники. Мир сузился до больничных стен – по крайней мере, внутри их жизнь была узнаваема. А за ними – что за ними? Как нужно жить за ними?

– Дело в том... Валерий Валерьевич, я совершенно не помню, в чем состояла моя работа! Уговорите их... Скажите им, что я еще нуждаюсь в лечении!

Ему стыдно было признаться, что он боится.

– Вы будете ко мне приходить, амбулаторно. Не волнуйтесь, Владислав Сергеевич, вы останетесь под нашей неусыпной заботой и опекой! Как пояснили ваши коллеги, фирма маленькая, и работа у вас несложная. Если вы что-то забыли, вас обучат заново. Но в ней вся работа основана на доверии. Ваше имя, то есть ваша подпись, много значит для рабочего процесса. В ее отсутствие часть дел застопорилась. Ваши коллеги сказали, что вы им срочно нужны на рабочем месте.

– А я справлюсь? – растерянно проговорил он.

– Ваши коллеги уверяют, что да, – отвечал врач, мысленно отметив, что Влад даже не спросил, в чем заключается работа.

Загадочная это штука – память...

При выписке врач подарил ему коробочку для лекарств – «недельку». В каждом из семи отделений по три капсулы: синяя, голубая и розовая. Синяя для улучшения памяти, голубая – для улучшения кровообращения, розовая – комплекс витаминов. И еще одна маленькая белая таблетка вечером: для успокоения расшатанных нервов. В придачу упаковки с аналогичными лекарствами и с наказом заправлять коробочку каждое воскресенье вперед на неделю.

Кроме того, два раза в неделю ему вменялось являться к Валерию Валерьевичу на сеансы психотерапии.

«И не вздумайте заниматься самолечением, Владислав Сергеевич! Принимайте строго прописанные средства, и только их! Ни в коем случае не пропускайте прием лекарств! Если что-то вспомните, непременно проконсультируйтесь со мной!» – настаивал Валерий Валерьевич, его лечащий врач.

Он рассеянно пообещал – все мысли были заняты тем, что он увидит, с чем столкнется в реальной жизни. В той жизни, что он основательно подзабыл...

Жизнь оказалась безрадостной.

Новая квартира – он совершенно не помнил ее покупку и переезд – была заставлена коробками и разобранной на доски мебелью. В первый день он не знал, куда сесть, куда лечь... По справочнику он выписал рабочего, который свинтил разнородные части, образовав мебель: шкафы и шкафчики, комоды и ящички, кровать и стол... Стало чуть легче дышать. Он не был уверен, что *узнал* мебель, – скорее просто принял ее как данность.

Следующим этапом была домработница: ее он заказал в каком-то бюро по найму.

Та пришла и принялась, как ей было поручено, разбирать коробки. Однако все оказалось не так-то просто: она без конца приставала к нему, что за вещь да куда ее класть. Женская одежда: жены, дочери... Влад велел оставить ее в коробках: ни малейшей идеи, что с ней делать. Жена похоронена во время его беспамятства в коме. Есть адрес и номер сектора на кладбище, но он туда не торопился идти. Что делать на могиле человека, к которому ты не испытываешь никаких чувств? Наверное, это потому, что амнезия?..

Что же до дочери, то с ней было проще. Она не пожелала приехать повидать отца в больнице, а он ее с трудом помнил. Зато почему-то прекрасно знал, что дочь его рассудила примерно следующим образом: если она пропустит занятия, то завалит экзамены; если завалит экзамены, то придется остаться на второй год; а оплатит ли еще один год отец? А вдруг он умрет? Надо пользоваться, пока жив и платит!

Все это было болезненно. Но следовало жить и обустроить жизнь. И он диктовал: чашки сюда, рубашки сюда...

Он не знал, бывало ли с ним раньше такое, но сейчас он остро и беспокойно ощущал одиночество. Оно перло из этих коробок, успевших запылиться за время его отсутствия. Оно струилось от голых, необжитых стен. Оно таилось в углах недавно свинченных шкафов, в холодной широкой постели, в неудобной кухне, в пустой корзине для грязного белья в ванной... Пришлось научиться запускать стиральную и посудомоечную машины, пользоваться микроволновкой и духовкой... Запекая кусок свинины с чесноком – хватит на два, а то и три дня, – он задавал себе вопрос: делал ли он это раньше? И не знал на него ответа...

Временами мозг ослепительно ясно пронизывали вспышки видений: вот этот дубовый буфет он покупал вместе с женой – ей очень хотелось антикварную мебель; а дочка фыркнула: «На фиг вам этот хлам?»

Вот жена в красном в горошек фартуке с оборками поверх нарядного платья наклонилась над посудомойкой: складывает тарелки. А он колдует над маринадом для мяса... Дочь на пороге: «Я уйду!» И раздраженное замечание жены: «Помогла бы на стол накрыть!..»

Но дочь не помогла, она ушла. А гости пришли. Ни одно лицо не прочерчивается из общего фона, все слилось в неразборчивый задний план... Чья-то борода, чьи-то очки, чья-то лысина, чьи-то бриллианты перемигиваются с хру-

стальной люстрой...

Значит, он умел готовить... Да и то, откуда бы его руки знали, как надо сделать надрезы в куске мяса, влить туда маринад (винный уксус, аджика, кэрри, соль и чуть сахару на кончике ложки!) и воткнуть дольки чеснока, если бы он не умел раньше готовить?

Самым смешным было то, что назавтра это воспоминание больше не хотело вспоминаться. Оно снова захлебнулось в темной пучине небытия.

Остался только красный фартук с белыми горохами – как знамя его беспамятства.

...Работа оказалась и впрямь несложной. Как объяснили коллеги, его функция была чем-то вроде ОТК (отдел технического контроля): нужно было сверять в компьютере файлы. Новые откуда-то приходили, его задачей было тщательно проверить их идентичность с теми, что уже хранились в базе данных. Поставить свою подпись и переслать дальше.

Его удивила система защиты: каждый рабочий пост (всего было четыре компьютера, включая его собственный, и еще один стоял без дела в углу) запускался по отпечатку пальца. Нужно было приложить большой палец к специальной панельке, чтобы завести компьютер, – без отпечатка он просто не включался. Подпись же вводилась через специальную программу: он писал на особой электронной дощечке, подпись загружалась, компьютер сверял ее с оригиналом и давал

«добро».

За первую неделю работы он так и не сумел понять, чем занималась фирма и чем занимался он в фирме.

– Мы делаем сверхсекретные компьютерные программы, – говорил ему Митя.

Митя не был главным – в этой своеобразной фирме не существовало директора. Правда, у Мити имелся свой кабинет, тогда как Влад сидел в крошечной проходной комнатушке. Еще двое сидели у компьютеров в следующей комнате.

– Мы работаем на государственные организации, отсюда и высокая секретность. И высокая степень проверки, контроля, – объяснял Митя.

Он припоминал Митю, хоть и смутно. Остальных двоих – нет, никак. И еще почему-то помнил кабинет с деревянными панелями по стенам. Большой стол и себя за ним...

– Верно, – говорил Митя. – Пока вы болели, наша фирма переехала. Тогда нас было пятеро: Владик Филиппченко, ваш друг, он ведь тоже работал здесь. Мы его взяли по вашей рекомендации... Не помните? Не страшно, Владислав Сергеевич, – главное, что вы на месте, и процесс идет теперь без перебоев. Для нас очень важно, чтобы вы смогли вернуться на работу. Очень. Вы ведь тоже человек проверенный... Не помните? Это не страшно. Ваш врач уверяет, что память вернется однажды. А пока работа, которую вы выполняете, позволяет нашей фирме функционировать без сбоев...

Ну и ладно, ну и хорошо. Его больше заботили другие вещи. БЕССМЫСЛЕННОСТЬ всего – вот что его заботило. В этой жизни не было ни одного опознавательного знака. Даже одиночество было бессмысленным. Если у одиночества и есть смысл, то только в страдании. Или, может, в наслаждении им?

Он не страдал и не наслаждался. Он существовал бессмысленно, как овощ на грядке.

Жена Лена, дочь Полина, друг Владик... Сплошной хаос, мешанина обрывков воспоминаний, разрозненных кадров, лиц и сцен. Они путались, не выстраиваясь в связанный ряд и вскоре снова исчезали в мутных водах забвения... У него не было никаких ощущений при мыслях о жене и дочери, что его удивляло. Зато при мысли о Владке в груди появлялось что-то теплое, родное...

Он слышал в больнице: Валерий Валерьевич говорил о замещении, о раздвоении личности. Якобы он потому и не может вспомнить своего друга, потому что ассоциирует себя с ним. И вызвано это его подсознательным чувством вины за смерть друга... В результате он не может его вспомнить как *отдельную* личность, потому что поселил ее внутри себя...

Этот бред он с трудом понимал, но где-то на периферии сознания и впрямь путалось: он кто? Который из двух Владов? Ему казалось, что его зовут Владилен, но врач объяснил, что Владиленом был друг, а сам он Владислав. Ему казалось, что в собственных чертах он узнает черты друга, но

врач говорил, что он в результате пластической операции не похож ни на себя самого, ни на друга...

Лицо было новым, работа была новой, квартира была новой... Все переехало, сместилось, изменилось, не осталось никаких опознавательных знаков, и его мозг буксовал, пытаясь найти хоть какие-то узнаваемые приметы прошлой жизни.

В коробках оказались фотографии: он смотрел на себя, прошлого, на жену и дочь, и ему иногда казалось, что он все это помнит. А потом, что нет. Что это не *узнавание*, а просто новая информация, которая легко залегла в его беспамятный мозг, вписалась в чистый лист его памяти...

Он решил не насиловать память, просто махнул на нее рукой, не в силах больше следить за ее выкрутасами. Лучше спокойно запускать в мозг новую информацию и обрабатывать ее, только ее. Тем более что врач, Валерий Валерьевич, обещал, что память вернется однажды сама.

Поэтому он принял свое новое лицо как данность; свою новую квартиру – как данность, свою работу – как данность.

Потекли однообразные дни, в которые, кроме работы и квартиры, у него ничего не было. Ни-че-го! И от этого было паршиво. У человека должны быть друзья, должны быть близкие люди, разве не так? И даже если самые близкие погибли, не может же быть такого, чтобы у него никого, никого, ну никого больше не было?!

Митя дал ему понять, что они раньше если и не были друзьями, то приятельствовали. Он был моложе Влада лет на десять, дело свое знал хорошо и хоть не считался директором, но явно руководил остальными. Незаметно, без гонору, но руководил. С Владом Митя был вежлив, предупредителен, от него струилось доброжелательное понимание... И даже намеки на то, что готов всячески помочь, подсказать, посидеть вечерком в баре...

Но Влад не понимал, зачем ему сидеть с Митей. Говорить ему с ним было не о чем – как бы он ни приятельствовал с Митей раньше, сейчас он не чувствовал к этому человеку никакого особого расположения. Был, конечно, благодарен за помощь, но и все. И он сделал вид, что намеков не понимает.

Но сам все же надеялся, что где-то существует человек, которого он мог бы опознать как близкого не памятью, нет, на нее он не рассчитывал, а чувствами. Человека, с которым он мог бы посидеть за бутылкой водки (коньяку, шампанского) и который ему расскажет, что Влад раньше делал, где бывал, чем жил...

Да, именно! Чем он жил? Это был на сегодняшний день самый насущный вопрос. Потому что на сегодняшний день он совершенно не знал, чем ему жить.

Самое смешное, что в коробках и ящиках, сложенных при переезде (кем? Женой? Им самим? Нанятым человеком?), не нашлось ни одной записной книжки. Они исчезли на-

прочь, потерялись. Ни одного телефона, ни одного имени, ни одного адреса.

Но однажды он вдруг вспомнил: *Вова*.

Вова – как дальше? Память молчала. Вова – какие отношения с ним были? Кем был Вова? Память молчала, зараза!

Зато через пару дней всплыл адрес: Часовая улица, дом... И он поехал.

Поехал без звонка. Во-первых, телефона он не помнил. Во-вторых, что говорить по телефону? Здравствуйте, Вова, я... Я сам не знаю, кто я? У меня, видите ли, раздвоение личности. Я всех на фиг забыл, а вот ваш (твой?) адресок вдруг вспомнил?

Он поехал, короче.

Лучше бы он этого не делал. Облом полный: Вова умер от инфаркта две недели тому назад. И все, что Влад получил, – это заплаканную вдову и ее заявление: «Конечно, я помню Влада... Но это не вы! Вы – не Влад!»

И добро ему было объяснять про пластическую операцию, про кому и амнезию как следствие травмы...

Она была категорична: «Я вас не знаю!»

И что он мог ей сказать в ответ, если он сам себя не знал?

Память, однако, спустя пару дней сделала ему еще один сюрприз: номер телефона. Он не представлял, чей. Но все же решил набрать.

– Куда я попал? – по-идиотски спросил он, услышав в трубке приятный женский голос.

– А куда вы хотели попасть? – насмешливо отозвалась женщина.

– Я... Видите ли... Этот номер у меня...

– Владька? – вдруг ахнула женщина. Так ахнула, что он похолодел.

– Да, – ответил он, чувствуя, как волоски на руках встают дыбом: вот сейчас, сейчас произойдет чудо и... – Да, это я, – выдохнул он в телефон. – То есть на самом деле я точно не знаю... То есть я Влад, но я вас не помню...

Женщина не ответила. Он чувствовал, как напряженно она вслушивалась в его голос. Он ждал.

– Как вы можете? – наконец хрипло проговорила женщина. – Как вы смеете?! Это жестоко, так шутить! – Рыдания мешали ей говорить.

Он страшно растерялся. О чем она?

– Я не понимаю... Простите, но я действительно Влад... И ваш телефон...

– Влада нет! – выкрикнула женщина. – Он погиб! Забудьте мой номер навсегда, скотина бесчувственная!

Люля бросила трубку. Этот человек, с голосом, похожим на Владькин... Он, несомненно, ошибся номером... И – ну есть же такие идиоты! – на ее непроизвольное восклицание: «Владька!» – ответил, что он Влад и есть! Этим телефонным дебилам не приходит в голову, что они могут нечаянно по-

пасть в сердце беды и боли!!!

Она выдернула шнур из розетки. На случай, если этот придурок вздумает снова позвонить.

Женщина бросила трубку. Вот так вот. Жизнь на его глазах слизывала, как корова языком, последние приметы прошлого.

Через несколько тоскливых дней на работе и невыносимых вечеров дома он решил, что жить не стоит.

И повесился на крючке для люстры в новой квартире, до сих пор так и пустовавшей.

* * *

Он оказался забавным, этот детектив. Роста среднего; непослушные, вьющиеся темные волосы, засветлевшие на висках первой сединой. Глаза светло-карие с зеленоватым оттенком – один чуть темнее, чем другой. Руки длинноваты, от крепкого худощавого тела веет ловкостью и неброской силой.

Люля была очень восприимчива к форме, к ее нюансам, к ее сути и потому быстро разглядела, что этот человек с выражением сухой сдержанности и строгой деловитости сыщика на лице был на самом деле нежнейшим и добрейшим существом. Она его раскусила в ближайшие пару минут и сразу же перестала бояться. С ним было совсем не так, как в мили-

ции, где у нее слова застревали в горле под неприязненным взглядом, искавшим ее изумруд.

Поэтому она легко и как-то отстраненно, словно это происходило не с ней, описала Алексею Кисанову все события: и наезды неизвестной машины, и табун молчаливых подростков в темном дворе, и убийство ее первого телохранителя, и пожар на даче, и подкоп под забор, и якобы забившуюся канализацию...

Алексей Кисанов слушал очень внимательно, изредка задавая вопросы и делая пометки в блокноте.

– Да... – сказал он под конец. – Досталось же вам, Людмила...

От него исходили тепло и сочувствие. А именно перед теплом и сочувствием она сейчас совершенно беззащитна.

Люля прогнала подступающие слезы. Когда-то она жила одна и полагалась только на себя, но Владька ее разбаловал. Счастье делает нас незащищенными...

Да нет, глупость какая! Разве несчастья делают нас защищенными? Разве она стала сильнее оттого, что ее уже месяц пытаются убить? Куда там – вон, от одного доброго слова готова реветь как маленькая. Скоро она станет горячо благодарить каждого, кто не намеревается ее убить!

Нет, нет, ей не нужны ничье тепло и сочувствие! Ни этого детектива, ни Артема! Она самостоятельная взрослая женщина, она сама может справиться.

– Людмила, вы меня слышите?

– Люля... Мне нравится, когда меня называют Люля, – уточнила она, глядя в каре-зеленые ласковые глаза, подернутые, конечно же, завесой непроницаемости.

– *Люля?* Хорошо, пусть будет Люля... Ты, вы меня слышали?

– Нет, – беспечно отозвалась она. – Я все прослушала.

– Я говорил о том, что мне нужно просмотреть бумаги вашего мужа, – терпеливо повторил детектив. – Если разгадка в них, то мы ее найдем.

– Когда?

– Лучше бы прямо сейчас.

Они поехали в ее московскую квартиру. Люля повернула ключи в замках. Артем решительно оттеснил плечом Люлю и детектива: «Я первый».

– Погодите, – сказал Алексей Кисанов. – Продиктуйте мне номер вашего телефона.

Люля продиктовала. Детектив принялся набирать его на своем мобильном.

– И зачем? – спросила она, глядя на манипуляции детектива.

Артем, однако, легко уступил, как если бы признал правоту сыщика, ему одному понятную.

– Давайте отойдем подальше на всякий случай, – вместо ответа предложил Алексей Кисанов.

Артем только кивнул, ответив на вопросительный взгляд

Люли.

Они спустились на один пролет лестницы, и детектив закончил набор номера.

...Взрыв порадовал слух мужчин своей предсказуемостью. Люля же села от неожиданности на ступеньку.

– Я первый! – сказал Артем и поскакал вверх через две ступеньки.

– Вряд ли мы рискуем чем-то еще, – кивнул детектив и поскакал вслед Артему. – Вы тут пока посидите, Люля!

Минут через пятнадцать он возник на лестничной площадке.

– Людмила! Люля! Идите сюда, теперь никакой опасности нет... Огонь мы погасили, милицию вызвали, – объяснял он, пока Люля поднималась, – других взрывных устройств не обнаружено. Идите сюда, посмотрите: это обычное место телефона?

«Телефоном» он назвал огрызок обуглившейся пластмассы. Люля кивнула: обычное.

– Это была бомба? – все еще не веря в случившееся, спросила она.

– Да. Начинили взрывчаткой телефон, он должен был среагировать на звонок. Мы их опередили, к счастью.

– Но ведь могло весь дом снести! – Люля никак не могла прийти в себя от шока.

– Это же не террористы. Так сказать, «нормальные» убий-

цы... Положили взрывчатки ровно столько, чтобы на вашу квартиру хватило. Вернее, на вас, – смущенно уточнил детектив.

Люля мотала головой, не в силах произнести ни слова. Подошел Артем, крепко взял ее за плечи.

Под его руками она наконец перестала дрожать.

– Вы за дорогой не наблюдали? – спросил Алексей телохранителя. – Как вы догадываетесь, коль скоро телефон был «заправлен», кто-то ждал прихода Люли. И намеревался позвонить в квартиру, когда она будет там.

– Я свое дело знаю, – ответил Артем. – За нами никто не следил.

– Стало быть, кто-то торчал у ее дома, – кивнул детектив, – поджидал. Вы уж постарайтесь ее никуда не выпускать. Сами понимаете...

– Не могу простить себе, что сам про телефон не подумал, – сердито проговорил Артем. – Стыдно. В теории все знаю, а вот на практике...

– А в ней все и дело! – легко отозвался детектив. – В практике, Артем. Один раз живьем столкнетесь с теорией на практике – больше не забудете!

– А вы, вы сталкивались?

– Ух, еще как! По полной программе! И совсем недавно, кстати...

– Спасибо, – произнесла Люля, – вам обоим. Если бы не вы...

Губы ее были серыми. Артем отпустил ее плечи, немного неловко, как бы застеснявшись своего жеста.

– Надо торопиться, Люля. Сейчас сюда приедет милиция и пожарники. Посмотрите пока, все ли на местах, – деловито распорядился детектив.

Люля сделала полубомбочный обход по частично обгоревшей, частично развороченной взрывом квартире: на первый взгляд ничего не украли...

– Бумаги мужа, где они?

Бумаги находились в шкафу спальни, в большом портфеле. Их не тронули ни те, кто пробрался в ее квартиру, чтобы заминировать телефон, ни взрыв. Все было в целости и сохранности.

– Собственно, особого смысла смотреть эти документы нет: если бы они представляли ценность, их бы уже выкрали. Тут явно другой расклад, Люля. Тут *вас* хотят убить. Очень хотят... Больше их не интересует ничего, – сообщил детектив.

– Я хочу знать, где работал Владька, – хмуро произнесла она, наклонив голову.

Портфель детектив забрал с собой – Люля еще в квартире добавила кое-что из сейфа, и Алексей Кисанов, измерив взглядом толщину стопки, испросил у Люли пару дней на изучение.

Но позвонил он только четыре дня спустя.

– Извините, Люля. Сам я в таких делах несведущ: пришлось задействовать специалистов. Ваш муж играл на бирже. Это однозначно.

– То есть он НИГДЕ не работал?

– Одно другого, в принципе, не исключает. Хотя для такой профессиональной игры, как мне объяснили, он должен был постоянно следить за биржевым курсом. «Постоянно» в данном контексте означает «ежечасно». Если он работал, то только в таком месте, где мог постоянно выходить на сайты бирж.

– Он работал с компьютерами... Почему бы и нет? – упавшим голосом проговорила Люля.

Владька никогда не говорил ей об этом... Почему? Было ли еще что-то в его жизни, о чем он ей не говорил?

– Вы знаете кого-нибудь из его сослуживцев?

Люля знала одного: того, который ничего не помнит.

Но детектив Алексей Кисанов несколько не смутился этим обстоятельством и попросил номер его телефона.

У Люли, однако, его не было. Следовало найти записные книжки Владьки. Наиболее вероятным местом их обитания была городская полуобгоревшая квартира.

Детектив, получив ключи, отправился на поиски. Полтора часа спустя позвонил Люле:

– Нигде нет. Вы там в доме вашем загородном смотрели?

Еще как! Артем обшарил все, что могло хоть в теории оказаться местом обитания записных книжек. Их не было нигде.

– На даче были? – неуверенно предположила Люля.

На старую дачу Владьки они ездили нечасто, только в нормальный дачный сезон. Маловероятно, чтобы Владька мог оставить там записные книжки. И, во всяком случае, если они там невзначай и находились, то сгорели в пожаре...

«Ноу комменс, – подумал детектив. – У записных книжек ножек нет: сами уйти не могли. Кто-то им помог переместиться в пространстве...»

Алексей Кисанов осмотрелся. Оставался компьютер. Он его включил. Через несколько секунд на черном фоне экрана зависла фраза: компьютер сообщал, что не находит загрузочный диск.

Как это мило... Записные книжки выкрали, жесткий диск из компьютера изъяли.

Дело обещало быть сложным. И детектив почувствовал, что свой кайф он получит сполна.

Алексею Кисанову, которого друзья называли попросту Кис, нравились сложные дела. Они вызывали в нем интеллектуальный зуд; они бросали ему вызов. А какой мужчина не мечтает в душе о ринге? И, разумеется, о том ринге, где он станет победителем!

А он любит быть победителем, Кис.

Люля, увы, ничем не могла ему помочь. Адреса она тоже не знала. Так вышло, что с лучшим Владькиным другом она была едва знакома. Конечно, они встречались: Владька

ее представил еще до свадьбы, они ужинали вместе в ресторане. Потом Влад Филиппов, так звали друга, был с женой на их свадьбе. Люле было не до него и тем более не до его жены, но ей хватило взгляда, брошенного на нее мельком, чтобы понять, почему Владька избегал встреч семьями: жена Влада была типичной *фифой*.

Наверное, поэтому два закадычных друга предпочитали встречи на нейтральной территории – в ресторане или дома у Владьки. Люля им никогда не мешала: она понимала, что присутствие *дамы* обязывает, а она не любила обязывать. Зачем? Им есть о чем поговорить без нее!

Посему они довольно быстро организовались с Владькой таким образом, что его друг приходил в те вечера, которые Люля проводила со Славкой Мошковским за работой или за показами. Она им не хотела мешать – и в результате знала крайне мало об этом человеке.

Это никак не могло устроить Киса. Он учинил Люле допрос с пристрастием: потребовал, чтобы выложила все, что знала о лучшем друге ее мужа.

...Влад Филиппов был немного старше ее Владьки, кажется, года на три-четыре. Они росли в одном дворе, в Анапе. Родители их познакомились именно в силу схожести фамилий и имен сыновей: то медсестра перепутает пацанов, то участковый, к которому соседи обращались из-за неоднократно разбитых футбольным мячом стекол и прочих выхо-

док мальчишек. Два Влада, один Филипченко, другой Филиппов, — два дворовых хулигана... Пацаны дружбу сохранили до взрослых лет, родители тоже.

Потом пацаны выучились — Влад-старший в Москве, а ее Владька в каком-то замызганном местном техническом институте. Потом началась взрослая жизнь. Влад Филиппов нашел Владика Филипченко перед окончательным переселением в столицу: он собирался жениться на москвичке...

И дружок его, Влад-младший, пообещал в скором времени нагнать приятеля.

Нагнал он его в горбачевскую перестройку. Вдруг объявили свободу предпринимательства, и Влад-младший очень быстро освоился с непонятным делом под названием «предпринимательство». Он много чего *предпринял*, тычась, как слепой кутенок, в новые формы деятельности, в непроглядный правовой туман и в как раз тогда начавшийся беспредел — что со стороны криминала, что со стороны органов правопорядка. Он перебрал множество затей, сменил несколько мест работы и наконец оказался в Москве: там свободы было больше и зависимости от местных властей меньше.

В столице, предприимчивый по натуре, он снова с жаром ударился в предпринимательство. Открывал какие-то фирмы, закрывал их, открывал новые...

Надо признать, что ее Владька — любитель приключений и в некотором роде авантюрист. Причем успешный: деньги он заработал довольно быстро. Однако, заработав на хлеб, на

масло и на икру, он вдруг остановился. И призадумался. По крайней мере, так он рассказывал Люле. Захотелось Владьке чего-то серьезного, надежного. «Всех денег не заработаешь», – говорил он.

И тогда он пошел в фирму к Владу Филиппову. За годы предпринимательских скитаний и авантур Владька сам изучил компьютер и программирование: специалисты тогда были редки и малограмотны. И в результате Владька, который любил сам все уметь и знать, мог дать хорошую фору любому специалисту.

Как-то Влад Филиппов сказал, что им нужен толковый компьютерщик и надежный, проверенный человек в фирму. Владька был с детства проверенный, куда же больше? И так два друга стали работать вместе. Люля была уверена, что в фирме «Росомаха».

...А в «Росомахе» он не числился, вот в чем фокус. И на визитке мужа, которую отыскала Люля, значился только его мобильный телефон. И ясно, что только Влад-старший, который Филиппов, может пролить свет на эту странную историю.

Дело было за малым: найти его.

Собственно, милиция его уже нашла. Осталась, правда, несолоно хлебавши: Влад-старший не помнил ничего. Амнезия, последствие автокатастрофы. Но Кис уже однажды

сталкивался с подобным явлением² и знал, что память может неожиданно вернуться в любой день. И он хотел бы оказаться рядом в этот самый день.

Задействовав все свои связи через бывших коллег по Петровке, он получил сведения о месте проживания Влада Филиппова.

Он жил в районе Октябрьской, недалеко от французского посольства. Незнамо как, но Кис издалека опознал его на подходе к дому. Может, по тяжелой походке человека, которому жизнь в тягость? Может, уже вблизи, – по потухшему, безрадостному взгляду?

Проследив за предполагаемым Владом (Владиславом по документам), Кис убедился, что он вошел в ту самую квартиру, которая обозначена в адресе; стало быть, детектив не ошибся.

Будучи человеком практичным, Алексей Кисанов выждал: человеку надо пописать, переодеться, поесть, и вот тогда уже имеет смысл его побеспокоить. Иначе разговор не получится: человек сделает все, чтобы выдворить незваного гостя.

Он исправно переждал почти час. И только потом поднялся на шестой этаж роскошной новостройки с эркерами и позвонил в дверь.

Дверь, однако, молчала. Детектив слышал, как разносились по квартире его бесплодные звонки. Казалось, там ни-

² См. роман Т. Гармаш-Роффе «Голая королева».

кого не было...

Но он с час назад убедился, что человек вошел именно в эту квартиру. Поколебавшись, Кис высадил хлипкую дверь: он знал, что квартира новая, хозяин только переехал и не успел защититься бронированными дверьми. Выбить ее ничего не стоило.

И не напрасно, как оказалось. Вовремя вынул хозяина из петли.

Ясное дело, вопросы пришлось отложить на потом – когда делаешь искусственное дыхание рот в рот, то беседовать, прямо скажем, неудобно. Приехала «Скорая» – Кис сам вызвал, и ему удалось сторговаться с врачами о сопровождении пострадавшего суицидника: так он хотя бы узнал номер больницы, куда увезли Влада-старшего.

Оставив его на попечение врачей – бог миловал, Влад был в сознании и быстро уснул в палате, получив хорошенькую дозу успокоительных средств, – Алексей вернулся в его квартиру. Связка из трех ключей – два от двери и один от почтового ящика – обременяла его карман без малейших угрызений совести. Он их спокойно прихватил с ключницы и теперь намеревался основательно покопаться в квартире потерпевшего.

Он копался в ней почти всю ночь. Хозяин недавно сюда переехал, и часть вещей находилась в еще не разобранных коробках. В шкафах царил тот идеальный порядок, который

бывает сразу после переезда, когда из самых благих намерений хозяева продуманно раскладывают вещи на отведенные полки. Поэтому с содержимым мебели особых проблем не было: там все очевидно... Очевидно, что никаких записных книжек и иных бумаг, способных пролить свет на отношения двух Владов, там не имелось.

Компьютер был совсем новеньким, еще в упаковке, и, натурально, не содержал ни малейшей личной информации.

И Кис засел за коробки.

Уже утром, когда рассвело, а в начале марта светало поздно, он потер воспаленные глаза, зевнул и сказал себе: здесь искать нечего.

И еще он сказал себе: это ненормально. У нормальных людей есть какие-то записные книжки, хотя бы старые (если они уже перешли на ноутбуки); у нормальных людей есть какие-то сохранившиеся письма, счета, квитанции, бумаги, фотографии...

У Влада Филиппова, Влада-старшего, не нашлось ничего, кроме нескольких единичных фотографий. Выбросили старый хлам при переезде? Возможно, возможно...

А у Влада-младшего выкрали записные книжки. Любопытное совпадение, не правда ли?

Кис взял несколько фотографий с собой и, страстно мечтая о кровати, потащился в совсем противоположную кровать сторону: в больницу, навестить Влада-старшего. У него имелось несколько вопросов к нему. В частности, кто эти

люди, изображенные на снимках? На некоторых детектив с трудом узнал Людмилу – в этой сияющей красавице почти невозможно было угадать черты сутулой, бледной женщины с погасшими глазами, которая хотела, чтобы ее называли Люля...

– Это имя – это все, что мне осталось от мужа, – сказала она.

Сонно взрезая колесами снежную жижу московских улиц, детектив сердился на себя за то, что едет не в сторону вожделенной кровати, а в сторону совершенно потерянного времени: человек с амнезией вряд ли сумеет ответить на его вопросы. И ехал он туда для очистки совести, хотя совесть уже, похоже, давно спала в его квартире на Смоленке, натянув одеяло по самые уши, и только такой дурак, как он, перся через мерзкое оттепельное утро к беспамятному мужику, которого он вытащил вчера из петли...

Короче, детектив всю дорогу ворчал.

Но ехал.

* * *

...Машину Артема обстреляли на проселочной дороге, когда они возвращались из магазина, набив багажник продуктами: надо же было заправлять холодильник, поддерживать жизнь в доме...

Артем настаивал, чтобы Люля осталась дома, но она ка-

тегорически заявила, что уже *оборзела* сидеть взаперти. Она хочет хоть немножко проветриться, пусть хоть в магазине.

– К тому же, Артем, вы не сможете выбрать нужные продукты!

– Напишите список, Людмила, – упрямился Артем. – И я куплю все, что нужно!

– Ну как я вам опишу, какой кусок мяса мне нужен? Его надо *видеть*, чтобы выбрать! – упрямилась Люля.

В результате она одержала в споре верх, и они поехали вдвоем. И на обратном пути им дорогу перерезала невзрачная белая «Волга», и пули с визгом набросились на их лобовое стекло.

И Люля подумала, что купленное мясо уже не пригодится.

Их спасли два обстоятельства: во-первых, у Артема были пуленепробиваемые стекла. Во-вторых, Артем, собранный и напряженный, подав свой джип назад и приказав Люле лечь на пол у заднего сиденья, яростно рванул с места и пошел на таран белой «Волги». Казалось, с него слетает пена, как с обезумевшего быка на корриде.

Водитель «Волги» не выдержал зрелища приближающегося разъяренного джипа и поспешно съехал с дороги.

Артем промчался мимо на огромной скорости, и вскоре показались спасительные ворота «Охраняемой зоны номер 2».

– Больше вы за ворота не выйдете, – резко заявил Артем, поставив машину в гараж. – И не мечтайте, Люда, уговорить

меня во второй раз. Это был первый и последний. Или увольняйте меня, — добавил он ледяным тоном.

Люля молчала. Он был прав.

— Вы заметили? Двое в «Волге», как они растерялись? Это был отличный момент для переговоров! — уже мягче говорил Артем, хотя все еще с упреком. — Если бы вас не было в машине, если бы я не боялся за вас, я бы непременно остановился и крепко переговорил с этими мужиками. И так бы крепко переговорил, что обязательно узнал бы, откуда в этом деле ноги растут!

— Если бы меня не было в машине, они не стали бы стрелять, — тихо ответила Люля.

На этот раз промолчал Артем. Она была права.

И от его согласного молчания на нее вдруг навалилось ледяное, мертвое безразличие. Не сегодня, так завтра, не тем способом, так иным, но ее в ближайшие дни убьют. Очень уж стараются, как сказал детектив. А кто хочет, тот добьется, как известно.

Люля уже устала бояться. Да и жизнь без Владьки уже никогда, никогда не будет наполнена счастьем. А зачем ей жизнь без счастья?

— Вы верите в бога, Артем? — спросила Люля, готовя ужин.

— Нет.

Артем сосредоточенно чистил картошку, и длинная бежевая лента кожиры медленно опускалась на кусочек старой га-

зеты.

– А в судьбу?

– Пожалуй...

– А вот скажите: если судьба желает вас непременно уничтожить, стоит ли ей сопротивляться?

Артем помолчал. И потом ответил тяжелым, странным голосом – Люля не поняла, отчего:

– Судьба вас хранит, Людмила. Сами посудите: который раз от смерти уходите. Не грешите на нее.

...«Людмила». Почему-то она Артему не предложила называть ее Люля. Вот детективу Алексею Кисанову – предложила с ходу, хотя видела его в первый раз. А Артему, который практически жил с ней уже две недели, – нет... Что-то ее останавливало. Как если бы для Артема это могло оказаться предложением близости...

...Она поняла его тяжелый, странный голос только ночью, глядя без сна в темноту и слушая шаги Артема: он делал обход дома. Шаги странно легкие при его значительной массе, аккуратно-невесомые, как будто он ухитрялся частично перенести вес своего тела на воздух. Афган, вдруг вспомнила она. Их там учили и ходить, и ползать, и стрелять, и... И умирать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.